Цена номера: по подписке — 50 коп., в розницу — 70 коп.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ НОМЕРА

АННАМУХАМЕД ЗАРИПОВ — родом из Туркмении. И хотя он с начала 70-х годов живет и работает в Москве, восточная символика и декоративность сплелись в его искусстве. Прирожденный живописец, он строил свои композиции на сложном колоризме, наделяя богатые и тонкие красочные переходы особой выразительностью, напряженной и несколько таинственной. Мир его ранних полотен удивительным образом сопрягает остро-чувственное ощущение красоты материального мира с трагическими интонациями. При этом Зарипов вводит в свои полотна лаконичную выразительность мизансцен, театральную эффектность — тут, наверное, сказалась учеба художника на художественном факультете Института кинематографии в Москве.

На рубеже 80—90-х годов в творчестве Зарипова произошел решительный перелом. Мастер отошел от своих восточных легенд и живописной экспрессивности (думаю, что не навсегда) и занялся экспериментами в духе геометрических школ авангардизма. Сценичность, правда, в его новых работах осталась. Зарипов создает своего рода «коды» современного мира, расположенные в строго организованных и четко ограниченных пространствах. Они заполняются символами, которые не обязательно означают определенное понятие или предметные формулы. Скорее это выражение современных ритмов, ликов нынешней цивилизации. В повторяемости мотивов, которая содержится практически во всех его композициях нового типа, есть какая-то завораживающая привлекательность, сходная с ордерными фасада или проходом одинаковых масок на арене театрального представления типа «comedia del arte».

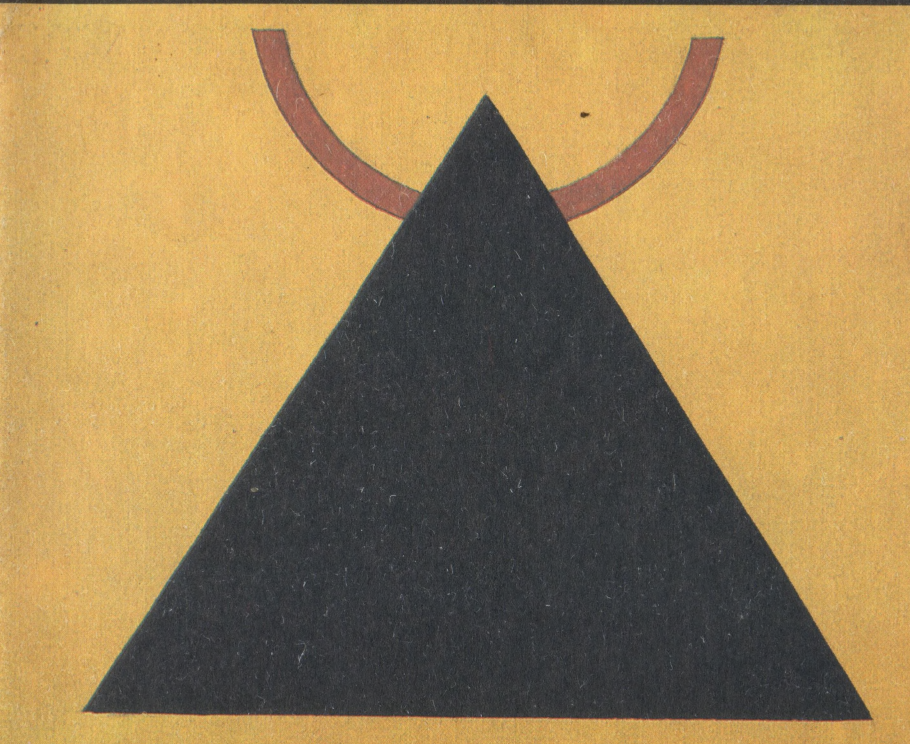
Эта изобретательность в рамках характерных авангардистских приемов придает новым работам А. Зарипова несомненную оригинальность. В потоке символических формул нынешней действительности они не затеряются.

АЛЕКСАНДР КАМЕНСКИЙ

Индекс 73755 ISSN 0234 – 1824

ГОРИЗОНТ

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

8
1991

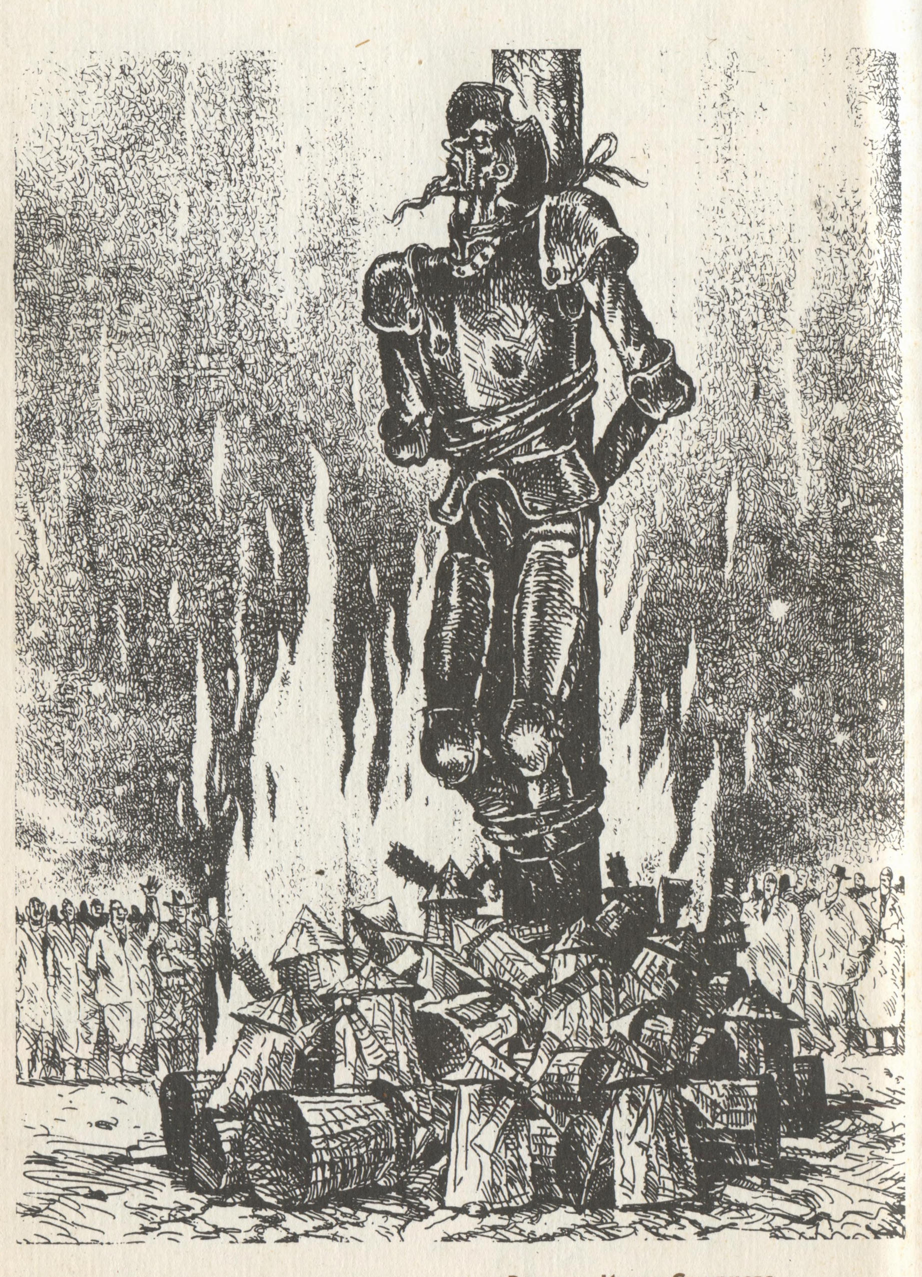

Рисунок Игоря Смирнова

ISSN 0234 – 1824

ГОРИЗОНТ

8 · 91

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Е. ЕФИМОВ

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:
Е. Абрамова,
М. Каро,
И. Красотова,
Л. Кузнецов,
Е. Чистякова,
технический редактор
О. Глушкова

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон: 928-97-42.

Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензирует и не возвращает.

Сдано в набор 27.06.91. Подписано к печати 25.07.91. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально - рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 5,86. Тираж 100 000 экз. Заказ 2046. Цена номера: по подписке — 50 коп., в розницу — 70 коп.

Малое издательское предприятие «Горизонт». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке и вкладках номера: живопись Аннамухамеда Зарипова

Издательство «Московский рабочий»

Виталий Свинцов

ЭТЮДЫ О КОММУНИЗМЕ

Если прочитавший эти этюды заметит, что следовало бы прямо назвать их антикоммунистическими, автор не станет спорить.

В исторически сложившейся цепочке зависимостей «коммунистическая идея — Маркс — Ленин — Сталин» ошибку обычно усматривают в последнем или предпоследнем звене. Но коммунистический мираж (в виде официально провозглашенных «перспектив» или просто неясных надежд) все еще кое-где дрожит в раскаленном политическом воздухе страны. Еще не все осознали, что ошибочным был уже первый пункт цепочки, что дорога в нашу нищету и разруху тянется оттуда. Теоретический, кабинетный коммунизм Маркса не случайно превратился в кровавую ленинскую «диктатуру пролетариата», как и последняя — в сталинское государство-концлагерь. Такова, видимо, логика развития всякой социальной утопии: сталкиваясь с неподдающейся реальностью, она имеет тенденцию превращаться в свою противоположность, в антиутопию. Ленин, веривший в октябре 20-го, что поколение пятнадцатилетних «увидит коммунистическое общество», тщетно подбирал ключи и отмычки к двери в светлое будущее. Сталин попросту выломал ее, но за коммунистической дверью, увы, оказался пустырь. Этот-то пустырь, наскоро обставленный обломками разрушенной России, вскоре и объявили «первой фазой» коммунизма.

Люди, рассуждающие примерно так и при этом не скрывающие своих убеждений, и есть антикоммунисты. Их уже не охмурить коммунистическими идеалами, которые не состоялись, якобы, лишь случайно. Для них «антикоммунизм» так же естествен, как и, скажем, антифашизм. Кстати, аналогия между коммунизмом и фашизмом замечена давно. Н. Бердяев писал: «Фашизм и коммунизм — близнецы», они «одинаково отрекаются от наследия человечности, восходящего к истокам христианства». И ничего другого, кроме активного неприятия коммунистической идеи, слово «антикоммунизм», которым нас пугали с детства и продолжают — правда, уже как-то вяло — пугать сегодня, не означает и не может означать.

СИЗИФ И САТИН

Крушение мифа о коммунистическом труде

...Под веселой ношею труда.
С. Есенин

Задолго до того, как один пророк со свойственной пророкам уверенностью изрек: «Мы придем к победе коммунистического труда», другой великий пророк написал о труде нечто противоположное: «Труд» по своей сущности есть несвободная, нечеловеческая, необщественная, обусловленная частной собственностью и создающая частную собственность деятельность. Таким образом, упразднение частной собственности

становится действительностью только тогда, когда оно понимается как упразднение «труда» (К. Маркс).

Не ломай голову, читатель, как тут свести концы с концами, каким образом связать воедино упразднение труда (по Марксу) с победой коммунистического труда (по Ленину). Старший из пророков, конечно же, имел в виду не ликвидацию производства вообще, труда как такового. Он знал, что для жизни и продолжения рода человеку необходимы еда, одежда, кров, а без труда, как говорится, не вытащишь и рыбку из пруда. Положение об упразднении труда нужно рассматривать в контексте революционного отрицания «классиками» едва ли не всех сторон жизни так называемого буржуазного общества — частной собственности, эксплуатации, демократии, государства, культуры, даже «буржуазной» семьи. Таким образом, у Маркса речь шла о ликвидации не всякого, а «буржуазного» труда, того труда, который — вследствие неравенства рабочего и работодателя в сфере отношений собственности — был лишь ф о р м а л ь н о свободным. Согласно коммунистическим пророчествам, в светлом будущем труд должен был стать ф а к т и ч е с к и свободным, превратиться из средства существования, из тяжкого бремени в автостимул, в средство самовыражения гармонически развитой личности. Не случайно в 20-е годы вместо традиционного на Руси «слава Богу» в нашей стране внедрялось нелепое «слава труду!», а десятки промышленных предприятий получили наименование «Освобожденный труд».

Увы, через семь десятилетий наконец-то прояснилось, что с формально свободным трудом дело обстоит примерно так же, как с буржуазной демократией: при всех недостатках того и другого ничего лучшего человечество пока еще не придумало. Труд упорно не поддавался дальнейшему освобождению. Не помогли ни соцсоревнование, ни россыпи нагрудных побрякушек, ни доски почета, громоздящиеся там и сям среди всеобщей грязи и беспорядка, ни разные там бригады коммунистического труда, «маяки» и тому подобное. Труд никак не становился коммунистическим. То есть, может быть, он как раз и стал коммунистическим, но это слабо радовало, если учесть безнадежную отсталость стран «социалистического лагеря» в области производительности труда, технологии, технической оснащенности и т. д. Да и не только в этом дело... Вот, например, на московской суконной фабрике «Освобожденный труд», где работают исключительно лимитчицы, трудящиеся действительно освобождены от многого: от московской прописки и, стало быть, постоянного жилья, от нормальной зарплаты, нормального отпуска; они постепенно освобождаются и от здоровья: испарения керосина, аммиака, серной кислоты разъедают глаза, разрушают зубы. Таких «освобожденных» по стране видимо-невидимо...

Надо сказать, что и сам процесс трансформации «буржуазного» труда в коммунистический протекал не без странностей. В июне 1919 года Ленин написал замечательную работу «Великий почин» (впрочем, как и многие другие его сочинения, она замечательна лишь своей замечательностью). Речь в ней шла о хорошо известных советскому человеку субботниках, которые названы «фактическим началом коммунизма». На субботники возлагались большие надежды. Однако задуманные как еженедельное мероприятие (это видно по датам, упоминаемым в тексте: 10, 17, 31 мая), они прививались достаточно вяло. И тогда для внедрения коммунистического труда было выбрано иное направление. При сегодняшнем внимательном прочтении «Великого почина» оно угадывается в том месте цитируемого Лениным отчета в газете «Правда» (подписанного «Тов. А. Ж.»), где рабочие сравниваются с... солдатами. Это

был прообраз трудармии, о которой «вожди» открыто говорили уже через год, на IX партийном съезде. Вот так со временем и пришли к победе коммунистического труда в его лагерно-рабской и колхозно-крепостнической ипостасях. Другого коммунистического труда, если относить это понятие к обществу в целом, мы не знали. «Arbeit macht frei» — «Труд освобождает» — такие глубокомысленно-поучительные слова встречали узников на входе в Бухенвальд и Дахау. Коммунистический, сталинский эквивалент этого лозунга, широко применявшийся на гулаговских «островах», звучал чуть по-другому: «Труд в СССР есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства». Что же касается коммунистических субботников, то каждый знает по своему добровольно-принудительному опыту, что они превратились в идеологическую акцию.

Крушение мифа о каком-то особом, коммунистическом труде тем особенно и интересно, что обнаруживает иллюзорность самой коммунистической идеи. Утопичной прежде всего оказалась мысль о том, что обобществление средств производства чуть ли не автоматически приведет к фантастическому повышению производительности труда. В том же «Великом почине» Ленин писал: «Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда». (Ну как в воду глядел Ильич...) Считалось, что обобществление средств производства (то есть их распривативация, как могли бы мы сказать, соотнося этот процесс с противонаправленным, с приватизацией, на которую сегодня возлагаем определенные надежды) позволит во всей полноте использовать научно-технические достижения. Это должно было повлечь за собой сокращение так называемого необходимого труда, высвобождение времени для гармоничного развития труженика, «которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда» (Маркс).

Но скоро лишь коммунистическая сказка сказывается. В экономической концепции Маркса оказалось много не доказанных, а постулированных положений, не выдержавших испытания коммунистической былью. Нет, не частнособственнические отношения, как полагали марксисты, а совсем наоборот, именно коммунистические сыграли роль тормоза в развитии производительных сил. Распривативация средств производства привела на деле к их онничейниванию и, как следствие, к экономическому абсурду, из которого лишь сейчас начинает выбредать весь «социалистический лагерь».

Без должных оснований в марксизме (с особенной же назойливостью в ленинизме) постулировалась и так называемая сознательность пролетариата. С этим заблуждением были связаны и надежды на субботники. Но в то же самое время, когда кремлевский мечтатель видел в них «начало коммунизма», залог победы коммунистического труда,— именно в это время некто Б. Бруцкус, будучи по профессии «буржуазным» экономистом, смотрел на вещи куда трезвее. В недолгий послеоктябрьский период, когда большевики еще не успели зажать рот «формально свободной» прессе, в журнале «Экономист» была опубликована его статья, где, в частности, говорилось: «Нет никаких оснований полагать, чтобы социальный переворот сам по себе мог благоприятно повлиять на интенсивность труда рабочего. Предшествующая социальному перевороту обостренная классовая борьба... не может усилить внимания и любви рабочего к его производственной деятельности... с переходом производства в руки общества еще не достигается отождествления в сознании рабочего его интересов с интересами общества». Бруцкус утверждал также (на уровне почти гениального предвидения), что «связь социализма и коммунизма с принудительной организацией труда необходимая, а не случайная».

Судите сами, можно ли было терпеть столь наглые выходки классового врага, подрывающие коммунистический энтузиазм и сознательность пролетариата... И осенью 1922 года Бруцкус был выслан в Германию. Вместе с другим интеллигентским — как по-революционному круто выразился Ильич — «говном» в количестве примерно двухсот голов (Н. Бердяев, Н. Лосский и другие).

Примитивными постулатами оказались и многие другие элементы марксистской концепции коммунистического труда. Хотя бы вот этот — мусоленный-перемусоленный, тысячекратно воспроизведенный в монографиях и диссертациях тезис о «преодолении противоположности» труда городского и сельского, умственного и физического. Суть дела не в общей тенденции к интеллектуализации труда, которая в конечном счете привела к сегодняшней компьютерной революции. Обнаружение этой тенденции не может считаться заслугой марксизма, поскольку она не была секретом для всей политэкономии и историософии XIX века. Речь идет опять-таки о якобы необходимой связи этого процесса с коммунистической распривативацией производства.

В контексте данной проблемы наибольшим примитивизмом отличаются те высказывания «классиков», в которых определяется место искусства в обществе будущего. Например: «...при коммунистической организации общества отпадает подчинение художника местной и национальной ограниченности, целиком вытекающее из разделения труда... В коммунистическом обществе не существует живописцев, существуют лишь люди, которые занимаются и живописью, как одним из видов своей деятельности». Ну почти в точности так, как писал Маяковский в тот период, когда ему показалось, что все вокруг — «Хорошо»:

Сидят папаши.
Каждый
хитр.
Землю попашет,
попишет
стихи.

Насколько же далеко продвинулось общество в направлении, указанном Марксом, и насколько прозорлив оказался поэт, пытавшийся за два года до «великого перелома» (и за три до суицидного акта) увидеть в русской деревенской жизни результат преодоления капиталистического «разделения труда»? Увы, с попахиванием и одновременным пописыванием стихов (не говоря уж о первом в отдельности) дело всегда обстояло и по-прежнему обстоит достаточно сложно. Стихотворения поэта Анатолия Осенева (являющегося также председателем ВС СССР А. И. Лукьяновым) или, например, живопись В. В. Бакатина вряд ли могут рассматриваться как аргумент в пользу предвидения Маркса. Конечно, да здравствуют художественная самодеятельность, народный театр и т. д.— кто спорит. Но при всем том в обществе сохраняется и даже все выше ценится профессионализм художника как и любого другого специалиста. С другой стороны, можно ли, скажем, поэзию Уолта Уитмена, американского плотника, прославившегося еще в XIX веке, считать результатом преодоления «местной и национальной ограниченности», презренного «разделения труда» на пути к коммунизму?..

Но дело не только и даже не столько в каких-то отдельных просчетах марксистской концепции коммунистического труда. Нет ничего легче, чем критиковать экономические, как и любые другие, представления столетней и даже больше, давности. Дело, думается, в ошибочности неких исходных идей Маркса и К° о труде и назначении человека, дело в порочной философии труда.

Вернемся к тому высказыванию Маркса об «упразднении труда», которое приведено в начале очерка. К нему до сих пор, как ни странно, обращаются последователи «основоположника», комментируя эту идею таким, например, образом: «Уничтожение труда не означает уничтожения всякой деятельности (и на том спасибо! — В. С.)... Напротив, это есть превращение деятельности в подлинно человеческую» (С. Чернышев. Новые вехи. / Знамя, 1991, № 1, с. 157). На первый взгляд, перед нами всего лишь филологическая проблема, игра в слова, эквилибристика терминами «труд» и «деятельность»: при коммунизме-де первый отомрет, вторая останется. Казалось бы, достаточно договориться о значении этих терминов, чтобы обнаружить надуманность противопоставления одного другому. Так-то оно так, но за словесными парадоксами, к которым нередко прибегал «ранний» Маркс, все же угадывается представление о каком-то особом труде. Да простится мне невольный каламбур — о труде не-трудном (или не-трудной деятельности, если кому-то так больше нравится). Труд как средство самореализации гармонически развитой личности, как факультативный довесок к коммунистическому распределению «по потребностям», труд как принципиальная атеистическая альтернатива библейскому «в поте лица твоего» — вот каким должен был стать основной элемент производства в коммунистическом обществе. А поскольку распределение «по потребностям» упиралось во все ту же производительность труда, повысить которую так легко можно лишь в кабинетном постулате, на практике это привело, с одной стороны, к трудармии в ее разных видах, с другой — к судорожным атакам на окружающую природу: «Мы не можем ждать милостей от природы», «...меняет движение рек, высокие горы сдвигает советский простой человек» и так далее, и тому подобное.

Нет, это была не «деформация социализма», как считают некоторые, ибо нельзя деформировать несуществующее. Реально деформировались природа и, что еще хуже, человеческие души, в которые внедрялась пустая греза о коммунистическом труде. Эта греза выхолащивала великое назначение человеческого труда, искажала смысл прекрасных слов: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь», превращая их в звуковое сопровождение нищенского жеста руки, протянутой не к небу даже, не к Богу, а к властям предержащим, к правительству, к диктатору. (Отсюда и пошли все эти: «Спасибо партии родной!», «Спасибо товарищу Сталину!»)

Распространение смутных и одновременно заманчивых представлений о «не-трудном» коммунистическом труде сыграло свою роль в появлении сегодняшнего паразитизма, презрения к труду, бытового вандализма. Человек постепенно разучивался трудиться. Один из немногих преуспевающих за рубежом соотечественников на вопрос, почему далеко не все эмигранты находят себя, ответил: «Мне кажется, большинство из этих людей или не умеют или не хотят работать. Это либо неграмотные, необразованные, либо ленивые люди... Моему отцу сейчас семьдесят четыре, а работать он перестал совсем недавно. Мы любим и умеем трудиться».

Слово «любим» здесь особенно знаменательно. Не в капитализме и социализме дело, не в «буржуазном» и «коммунистическом» труде, а в отношении к труду! Труд как нечто, загодя обязанное приносить удовлетворение, и труд как великая, но и тяжелая ноша; труд как формальная прибавка к коммунистической уравниловке и труд как назначение человека на Земле, одновременно трагичное и радостное (в одной из заслуживающих внимания концепций труда — как долг человека перед Богом). Таковы две, как сейчас принято говорить, модели труда.

Персонифицируя эти модели в художественной или мифологической форме, мы легко находим мотивы коммунистической философии труда в словах одного из обитателей горьковского «дна» Сатина: «Работа? Сделай так, чтоб работа была мне приятна — я, может быть (! — В. С.), буду работать...» Что касается модели-антипода, то искать ее надо, конечно, не среди картонных стахановцев и ударников коммунистического труда, порожденных соцреализмом. Русской литературой даже советского периода созданы образы тех воистину великих «пахателей», для которых труд был и «привычным делом», и жизненной радостью. Помимо Ивана Африкановича, это его известный всему миру тезка Иван Денисович: «В лагере понадобилось на каменщика — и Шухов, пожалуйста, каменщик. Кто два дела руками знает, тот еще и десять подхватит» В журнале «Новый мир» № 7 за 1990 год опубликован замечательный рассказ Бориса Екимова «Пресвятая дева-богородица...» Это рассказ о «работящей женщине» и вообще о «работящих людях», из которых ни аресты, ни ссылки, ни постоянные муки и унижения не выбили чувство труда как доли, как человеческой участи, как образа жизни: «Я работать любила... Сложа руки скорей уморишься... Сидеть не терпит душа».

Понадобилось несколько поколений, чтобы под аккомпанемент коммунистических утопий создать генотип человека, презирающего труд и прикрывающего это презрение сатинскими рассуждениями о социальном несовершенстве «буржуазного» общества или даже мира в целом.

Нет, я не призываю к романтизации подневольного и тем более лагерного труда (против чего справедливо возражал Варлам Шаламов). Свободный труд, свободный выбор своего — по призванию или жизненной необходимости — дела, реализация индивидуальных трудовых потенций есть одно из действительно великих социальных достижений человечества. И однако, коль скоро уж об этом зашла речь, нужно настаивать на том, что глубинный смысл труда способен пробиваться сквозь внешние обстоятельства, даже если они поляризуются на шкале свободы и несвободы.

Можно ли представить себе более несвободный и более бессмысленный труд, чем вошедший в поговорку сизифов? За обман Сизиф был наказан богами: все время он должен был вкатывать на гору огромный камень, который тут же срывался с вершины к подножью, и так без конца. Но Альбер Камю, трагически воспринимавший абсурд XX века с его «загонами для рабов, осененными знаменем свободы», сумел по-своему прочесть этот мифологический сюжет. В Сизифе он увидел просвет, выход или начало выхода из абсурда. «Я покидаю Сизифа у подножья горы. От собственной ноши не отделаешься. Но Сизиф учит высшей верности... Каждая песчинка камня, каждый вспыхивающий в ночи отблеск руды, вкрапленной в гору, сами по себе образуют целые миры. Одного восхождения к вершине достаточно, чтобы наполнить до краев сердце человека. Надо представлять себе Сизифа счастливым».

Вот так: от собственной ноши не отделаешься! Сизиф учит высшей верности!..

И вечно противостоят они друг другу — праздный болтун Сатин со своей грезой о коммунистическом труде и грешный трудяга Сизиф. Земля держится и долго еще будет держаться Сизифами. Ведь Бог весть какие еще природные, космические и социальные камни предстоит вкатывать человеку на гору, которую некоторые называют Прогрессом, а другие просто Жизнью или Историей.

* * *

Если б молодость хотела,
Если б старость — да смогла,
Если б немощному телу
Да могучих два крыла,
Если божьей бы коровке
Автомат и сапоги,
Если б ядерной головке
Да хорошие б мозги,
Если мне бы — вашу маму,
Ну а вам — мой божий дар,
Если б нашему Ивану,
Если б нашему Абраму
Да толковый бы товар,
Да еще б не тройку-птицу,
А открытую границу...
Мы б такого тарараму,
Мы б такой пустили пар!
Мы бы счетов не сводили,
Не делили бы вину,
Мы бы заново родили
Эту горькую страну,
Мы бы вон из кожи лезли,
Но вернули Дух и Честь,
Если б...
Если б вместо «е с л и б»
Прозвучало гордо:
— Е с т ь!

ЕЛЕНА ДУНСКАЯ

ТРЕТИЙ ВАРИАНТ

Снова говорят — «Система хороша, да народ плох» (счастья своего не понимает), в то время как народ все более напоминает безнадежно уставшую гончую с неподъемно-уродливым, 70-летней длины хвостом.

Ее новый хозяин, вступив в права наследования и убедившись, что животное уже не может двигаться и, следовательно, охоты сегодня не будет, из необсуждаемых здесь побуждений вместо решительного отсечения шесть лет кромсает от хвоста по маленькому кусочку, сопровождая это длинными лицемерными рассуждениями о гуманности и жалобно стеная о ценности («Отцы старались, ро́стили!») каждого фрагмента, повышающейся по мере приближения к основанию хвоста, хотя этим основанием является отнюдь не голова....

Казалось бы, выбор у бедного животного невелик — либо скулить и терпеть, постепенно теряя кровь и рассудок, либо... укусить эту, по традиции Самую Справедливую в мире, руку, но тогда вероятность умыться кровью не меньше — хозяин не простит.

Однако в природе известны случаи, когда попавший в капкан отгрызает себе и более ходовые конечности, предпочитая если и погибнуть, то на свободе. В нашем же случае необходимо, образно выражаясь, извернуться и, преодолев естественные брезгливость и неудобство, самостоятельно избавиться от опостылевшего рудимента, оставив при себе только чисто функциональную его часть, о которой еще известно, что не хвост вертит собакой, а совсем наоборот. И пусть хозяин хоть засушит по традиции сей рудимент и тешится с ним, но только приходя с охоты.

Сегодня, за редким исключением, преобладает первый вариант поведения, чему немало способствует объективно присущая нашему населению способность с легкостью создавать себе кумиров, поскольку система построена по первой части пословицы «На бога надейся...», вторую же часть она, система, подавляет. Создаем и терпим...

Второй вариант, тоже, к несчастью, разыгрывается у нас на глазах в наиболее воспаленных точках, где безропотный прежде обыватель — «человек, живущий мелкими личными интересами» (СЭС) — уже втянут в разборки «панов», по нему уже гуляет приказчичья плетка, тогда как цивилизованный современный обыватель вспоминает о политике и своем месте в ней только раз в несколько лет с наступлением выборов, когда он сопоставляет программы кандидатов на соответствие своим «мелким личным интересам», а затем сопоставляет

обещания и результаты. При этом и избиратель, и избранный помнят, что не за горами следующий цикл. И не случайно, наверное, 4 процента американских обывателей кормят до отвала свою страну, и еще кое-кому остается. Что-то в этом есть для нашей системы загадочное...

Давайте с этой точки зрения и рассмотрим вариант третий, частично подготовленный частично-демократическими последними (нет, лучше — предыдущими) выборами. Его общие контуры уже носятся в воздухе и не видны лишь твердолобым «последователям», гордящимся своими двумя извилинами, о «ценностях» которых, кажется, уже все сказано, но им «хоть плюй в глаза, скажут — божья роса» [1]. (Увы, но не мной предложен этот тон. Еще раз увы.)

1991 год объявлен переходным (к рынку). Система вынужденно, нехотя признала, что другого выхода нет, но не намерена при этом сворачивать эксперимент с социалистическим выбором. Опять, как в 1917 и 1929 годах, она действует по принципу — вали кулем, потом разберем! Не разобрали. И ведь не разберут!

Результат известен: никто́, от академика до кухарки, не имеет ни малейшего понятия на четвертом месяце заявленного года, как же будет происходить этот переход.

Накануне мартовских выборов прошлого года мною было подготовлено обращение (возможно, излишне эмоциональное), которое содержало примерную концепцию такого перехода с точки зрения среднего обывателя. По разным причинам оно увидело свет, когда поезд уже ушел (Горизонт, 1990, № 5). Позднее многие элементы этой концепции получили все более расширяющуюся поддержку (иезуитски-коварные перевертыши авторов «Советской России» [2] сработали только на укрепление этой поддержки. Кстати, привет Майклу Давидоу! Занятный господин...), так в ней социалистическому выбору, вот этому, с Человеческим Лицом, места однозначно нет. Сказано ведь: «Система повернулась лицом к человеку, и человек взвыл от ужаса». Больше того — мною упоминался в качестве сравнения демократический социализм, процветающий в Королевстве Швеция, где как раз налицо «гнусные гримасы царизма»...

Еще о терминах и их реальном наполнении: национализация, приватизация, ну и т. д. Товари-щи! Ведь это упражнения для цивилизованных государств! Мы-то здесь причем? Коль не было у нас первого, так невозможно и второе. Вспомните наши, родные — реквизацию, экспроприацию... И хотя эти термины из свода законов джунглей, зато как лихо!

Здесь особенно уместно привести самый определяющий наш «выбор» термин — коллективизация. Произнесите его, закрыв глаза — и перед вами картина такого вандализма, перед которым бледнеют любые заморские изощрения. Поэтому процесс вхождения в рынок, а точнее — в общечеловеческий миропорядок, должен иметь характер именно д е к о л л е к т и в и з а ц и и, со всеми вытекающими отсюда мерами, не имеющими ничего общего с попытками бороться против лома надушенным платочком. «Против лома нет приема, окромя другого лома» даже через 70 лет...

Тут нам подбрасывают еще одну «чуду»: раз-государств-ление, вот! Мало того, что сам термин какой-то сомнительный, так ведь то, что в него вкладывают, ничего по существу не меняет, а только тиражирует экономическое самодурство по числу «трудовых коллективов» и еще крепче привязывает нашего обывателя к этим колгоспам «Червоно Дышло», без которых он — ничто. Из чьих ворот этот голос?

В результате мы имеем ровно столько, сколько имеем, сколько заслужили и отстояли: приватизация и разгосударствление уже идут. Идет, как и следовало ожидать, игра в одни ворота. В те, где фэйсы и так ворот шире. Терпим...

Здесь «мы» — это простой «совковый» обыватель, стремящийся к упомянутому идеалу; это государственно-крепостные работяги и ИТР, еще не спившиеся и способные работать своими руками и головой, не участвующие в разворовывании и разбазаривании, живущие поэтому от получки до получки и вынужденные работать так, как им платят. В общем, среди нас нет конкурентов тем, кто выкупает магазины и приватизирует жилье в «царских селах».

Вы знаете, можно понять, когда идеолог РКП брызжет слюной в сторону «общественных деятелей митингового профиля», пытающихся нащупать путь из того болота, куда нас завели недостойные потомки Сусанина, или когда другой оказывается вдруг, неожиданно для себя, обескураживающе близко к истине (что нечасто бывает), утверждая, будто предложения, подобные моему, годятся лишь для каменного века. Правильно, железный кончается: еще года два-три — и в Красную книгу, к мамонтам... под мудрым руководством.

Гораздо загадочнее выглядят метаморфозы, происходящие с недавними потрясателями устоев, авторитет которых очень высок, и именно поэтому их заблуждения становятся просто опасными для общества. Вот цитата из «МН» № 14 за 1991 год: «Конечно, с неотоваренными деньгами надо что-то делать. (Заблуждение первое — будто обывателю некуда девать деньги.— А. И.) Но ведь

[1] Куранты, 1991, 19 марта.
[2] Например, в номере от 22 сентября 1990 г.

неоднократно предлагались неграбительские (выделено мной.— А. И.) способы решения: дайте (заблуждение третье — надежда на милость добрых Кузьмичей) купить землю, жилье, стройматериалы, неликвиды, грузовики, акции предприятий, дайте открыть булочную, парикмахерскую... (и далее следует совершенно искреннее удивление) — Мнутся, жмутся — и ничего». Трудно поверить, но это — известный писатель-экономист, автор взрывной по своей силе публикации «Авансы и долги». Что это — разновидность горя от ума, когда один гнилой кирпич в фундаменте пирамиды делает ненадежной всю постройку или эффект человека с Бассейной, неадекватно оценивающего окружающее? Предлагаю читателю на секунду (только на секунду, чтобы не повредить психику), представить за рулем грузовиков тех, кто сегодня может их купить... а теперь представьте в качестве покупателей тех, кто водит их сейчас. Не получается? И у меня не получается, как бы долго не перебирал знакомых шоферов. Слышал про одного, который мог бы претендовать, так он далече... (пиво возил). Интервью опубликовано 7 апреля, через 5 дней после того, как подобные построения вообще потеряли всякий смысл.

С другой стороны, зовут нас под твердую руку, которая обещает уберечь наш образный хвостище и от нынешнего хозяина, и от нас самих. Спаси Бог! Взгляните на свои руки — так ли они слабы? Опять зовут работать «еще лучше», а они стабилизируют и поведут... Да вы вслушайтесь, как режет ухо словосочетание — трудолюбивый крепостной! Примерно как сыто-голодный... И если при помещике крепостной знал, что он крепостной и не потешал округу песнями «Я другой такой страны не знаю...», то мы уже, надеюсь, прозрели?!

Прошедший год внес свои коррективы и еще больше убедил в порочности попыток модернизации системы, а отчаянный крик души преобразился в более четкий вариант, названный здесь третьим. Повторяю — не в панацею, а всего лишь в вариант, который с надеждой и тревогой выношу на ваш суд, где адвокатами пусть будут житейская логика и здравый смысл.

Итак, нашей гончей необходимо срочно догонять... нет, не Америку, а восточно-европейцев, похоронивших "вечно живое" учение. При этом они не провалились в идеологический ад — рухнула лишь, к всеобщему ликованию, Берлинская Стена. Люди ликовали, не испытав и половины ужасов нашей поголовной коллективизации и колхозных «палочек»! Как же нам извернуться, не повторяя даже в малом румынскую трагедию и оставаясь в рамках конституции?

Нужно избавиться от хвоста накопленных ошибок либо голосованием необходимого числа депутатов в парламентах (о чем можно только молиться), либо,— что более реально,— собрав подписи необходимого числа избирателей для назначения референдума по выбору модели развития с опорой на практику наиболее успешно развивающихся социально-экономических систем (государств), с гласным анализом наших перспектив при воспроизведении этих моделей.

Результаты референдума, помимо общесоюзного, надо определить по республикам с гарантией не препятствовать им в дальнейшем воплощать избранные модели (уверен, что ни кубинская, ни северокорейская в перечень не войдут). Представляется целесообразным ограничение возраста участников референдума не только в начале, но и в конце шкалы (ограничен же возраст претендентов на президентский пост), либо введение коэффициента веса голоса в зависимости от возраста: пусть социологи и юристы скажут свое слово — ведь очевидно, что перспективу должны определять зрелые, но достаточно молодые люди.

С момента решения о переходе в цивилизованное состояние (а намерения должны состоять не столько из организаторских усилий, сколько в предоставлении условий для проведения реформ, так как ни старая, ни новая власть ничего, кроме собраний, организовать не в состоянии) необходимо привлечь наиболее авторитетных специалистов мирового сообщества с наделением их особо оговоренными полномочиями в составе групп наблюдателей, экспертов-советников и третейских судов, отдавая приоритет специалистам, представляющим избранную большинством республик модель.

Замечу, что попытки приглашать зарубежных спецов для помощи в мозговых атаках на развал уже были и закончились «ничем с таком» — абстрактными заумными рекомендациями, оперирующими с совдеповской данностью. Если гостей еще можно понять, когда они из вежливости не замахивались на догмы, застилающие глаза хозяевам, то наши-то прогрессисты почему дальше привычного болота не смотрят и не видят? Самое отчаянное в их глазах— это несколько сухих кочек под названием «свободные зоны» или «аренда». Гипноз какой-то.. Кашпировский, вы что ли наколдовали?!

А меж тем государственная помощь Запада вслед за отечественным урожаем и плодами деятельности гибридов типа АНТа отправляется прямиком в бездонные закрома Родины. Аминь... Обратил ли кто-нибудь внимание, что аналогично песне «Хотят ли русские войны», пропавшей со всех каналов с конца 1979 года, начисто исчезли из речей «отцов» слова о всенародной собственности в нашем государстве, едва забрезжило слово «рынок»? А сколько лет дудели!

И как бы им не хотелось, придется произвести ревизию с определением стоимости подлежащей деколлективизации действительно всенародной, а не государственно-партийной собственности, и именно в пропорциях цен, характерных для избранной модели, и, может быть, в единицах, соответствующих ее валюте. Только тогда мы встанем на фундамент, поддерживающий мировую экономическую систему! (Так и видится распростертая фигура завмага в дверях подсобки перед нагрянувшей комиссией...) Когда-то надо кончать этот бардак (пардон) с «потолочными» ценами, дотациями и другими «достижениями» плановой экономики, напоминающий сюжет фильма, в котором некое советское предприятие начинает лихорадить вплоть до полной остановки, стоит одному (распределяющему) персонажу — кладовщице инструменталки — на время отлучиться: никто не может заменить ее, потому что там, где у нее написано «сверла»... правильно, лежат плашки, где «плашки» — и вовсе веники. При этом она за свою «находчивость» пользовалась на том предприятии авторитетом незаменимого работника. Помните? Вот где гримасы!

Для того, чтобы токарь смог иметь не только плашки и сверла, но и сам станок, давно заработанный и им самим, и отцом, и дедом, необходимо получить в цифрах результат ревизии, на принципах добровольности распределить поровну между избирателями, и вступившими в это право (вернувшимися эмигрантами, принявшими гражданство, отбывшими заключение, признанными дееспособными больными и т. д.), выравнивая тем самым стартовые условия вхождения в рынок (помните второй лом из пословицы?).

Скажут: «Опять делить? Проходили!» Да, опять и в последний раз, чтобы вернуть, и на этом закончить затянувшийся эксперимент. (Хотя можно и продолжать, добиваясь чистоты опыта...)

При этом можно зарезервировать часть оборотных средств, закрепляющих частично этот принцип за последующими поколениями (в наличном выражении), что позволит молодым не зависеть от унаследованных богатства или нищеты, а в плане социальной справедливости будет вернее широко распространенного на Западе принципа кредитования. На таком этапе это вполне реально, поскольку расписываем мы, по существу, чистый лист.

О размере пая. Говорят и пишут разное, но неизменно считают в «деревянных» рублях и с глубоким пессимизмом называют смехотворные суммы. Тоже мистика? А это смотря что считать.

Давайте порассуждаем: да, стоимость наших производственных фондов и по западным меркам действительно низкая ввиду их изношенности и отсталости, но жилье-то тоже в массе своей государственное! Будучи оцененным, оно и в наших ценах перекрывает сумму, называемую некоторыми экономистами. А до каких пор не будет иметь цены наша 1/6? Ведь земля и ее потенциал по тем же западным меркам — огромное наше богатство, не имеющее равного в мире, и пессимизм здесь неуместен! Или, вы думаете, товарищи просто так мудрят с ее передачей? Ладно, мол, дадим, но только крестьянам, и на наших условиях. И то только потому, что... кушать очень хочется, а ложки и железные миски у нас еще есть. Но наличие мисок-то говорит лишь о том, что крестьянство сбежало на шахты и заводы, так теперь оно и там бастует! Возвращает нас, так сказать, к каменному веку, о чем очень верно заметил товарищ.

Почему обречены на поражение попытки Моссовета приватизировать жилье? Почему такой же эффект получается у Черниченко со всей крестьянской партией, с какого бы бока они ни подбирались к земле? Да потому, что каждый из числа реформаторов выдергивает свой наболевший вопрос из контекста большой реформы и пытается решить его изолированно от других. И продолжаться это может бесконечно, а монстр только сплевывает косточки обнаруживших себя, перекрывает опасные направления ударов и рассаживается поудобнее...

Но если используем мы шанс — тогда наш обыватель (Боже, помоги!) просто станет на пороге цивилизованного общества перед выбором: либо больше комнат в городской квартире и поменьше своей земли (а в среднем на каждого приходится только возделанной по 2 га, да леса по 3 га), техники или акций своего предприятия, либо любая другая комбинация, ограниченная не пропиской и трудовой книжкой, а только размером пая, который в форме именных ценных бумаг позволит своему владельцу безналичным путем приобрести (спасти?) из госфонда жилье, землю, средства производства по ценам, определенным за ними при ревизии, а также акции предприятий, совхозов и т. п. Таким образом, благосостояние территорий будет напрямую зависеть от количества избирателей, проживающих на них. (Тут можно развивать, но тема горячая.)

В дальнейшем капитал, как ему и положено, станет перетекать оттуда, где пьянство и лень, туда, где ему найдут лучшее применение, и число желающих подпустить редкому фермеру красного петуха резко сократится. Но это — что касается нас с вами. А что же государство?

В свою очередь государство не принимает никаких платежей в других формах, так что «отмытые» или не нуждающиеся в отмывании капиталы на время реформы выключаются из процесса и обретают силу лишь после его завершения. И пусть их праведностью занимаются соответствующие органы, мы же

будем исходить из принципа: не пойман — не вор, поскольку чем больший капитал ворочается в экономике, тем лучше. Все находящиеся уже в распоряжении граждан посредством кооперативной и индивидуальной хозяйственной деятельности объекты собственности органично вливаются в новые экономические отношения, не влияя на размер пая своих владельцев. Сюда же входит и кооперативное жилье, обитатели которого, получая на работе 1/7 стоимости своего труда, вынуждены были дать взятку государству (взявшему на себя право обеспечить жильем всех), оплатив 7/7 его стоимости и получив за это возможность обойти общую очередь.

Специально для «Сов. России»: о возвращении эмигрантам фабрик речь даже не шла, поскольку все оставшиеся (и родившиеся) здесь потеряли не меньше, а вернувшийся соотечественник сможет, как и все, получить обезличенную часть собственности, которой на фабрику может не хватить. Но вот что может произойти дальше: например, он приобретает на свой пай землю (цена которой колеблется в широких пределах в зависимости от разных факторов), на вывезенный в 17-м или приобретенный «там» капитал строит предприятие на базе западного оборудования и технологии, обеспечивает работой энное количество местных акционеров, и они производят нужную позарез продукцию на благо своей страны. Кто от этого потеряет? Только ваши подписчики из числа апологетов.

Придется забыть про ценовой и ассортиментный диктакт нашим предприятиям-монополистам, когда конвертируемость валюты и включение в систему международного разделения труда заставят выпускать только то, что у них хорошо и дешево получается, без попыток, как прежде за «железным занавесом», перекрывать всю гамму необходимых в жизни изделий. Также исключены рост цен отечественной продукции и обесценивание рабочей силы в отрыве от международного рынка, когда наш переход завершится денежной реформой, в ходе которой нынешний рубль будет обменян по новому курсу в соответствии с ведущими цифрами, когда размер бюджетного дефицита и других минусовых обстоятельств будет отсечен от размера золотого запаса и прочих активов. То есть курс обмена должен соответствовать соотношению рубля к принятой за эталон валюте после этих операций. Пора по одежке протягивать ножки, и чем дольше с этим промедлим, тем вернее протянем их буквально.

Часть новых денежных единиц может быть натурализована в виде монет из благородных металлов и составлять при обмене единую сумму. Ведь только за один 1989 год система официально продала за «бугор» только золота около 300 тонн. У всех на памяти дело о бриллиантах. Ну и что, разбогатели? Подозреваю, каждый из нас не в пример лучше распорядится каждым граммом своих золотых и не купит за него у Смита продовольствия аж на 7 доапрельских рублей.

И последнее соображение, учитывающее специфику развитого социалистического общества: если для цивилизованного человека потеря доброго имени равносильна физической смерти, то злоупотребления наделенных особыми полномочиями на время реформ представителей нашей страны должны при их доказанности караться высшей мерой, и пусть это будут единственные жертвы деколлективизации! Необходимо обеспечить абсолютное доверие к проводникам реформ, «шалости» которых способны вызвать взрыв с непредсказуемыми последствиями, когда количество жертв деколлективизации сравнится с мартирологом событий, ее предопределивших. И первыми схлопочут творцы и продолжатели этих событий, тогда как при нормальном течении реформ они реализуют единственную сегодня возможность безболезненно для себя слиться с «массами» (любимое их словечко, означающее нас с вами).

Добросовестное исполнение полномочий должно быть вознаграждено средствами на порядок выше обычных, а возникшее демократическое общество сможет, наконец, избавиться от варварской «вышки».

Общее замечание: не уверен, что здесь правильно приведены и учтены все финансово-юридические тонкости, но мысль, надеюсь, доведена верно. Специалисты, прикладники-практики, работая на выполнение такой программы, учтут все тонкости, а к представителям общественно-экономически-политических дисциплин, усвоившим методы первой древнейшей профессии, просьба — не беспокоиться. Что стоит философское «умение» взять проблему и выдать на нее три взаимоисключающие точки зрения, когда нормальный человек обычно стоит перед выбором: из двух или более зол выбрать меньшее?

Как автор приношу извинения тем, кого задел невыгодным сходством образных сравнений, но без этого мне не передать было предрешенности ситуации, когда становится ясно: если не удастся осуществить что-то близкое к третьему варианту — второй неизбежен повсеместно. А как обывателю, затравленному окружающим с детства идиотизмом, мне не в чем перед вами оправдываться. Бог простит...

Анатолий ИЛЬИН

Александр Ястребов

ИДЕМ ЗА СИНЕЙ ПТИЦЕЙ...

Красный Октябрь, красные командиры, красный быт... Порой кажется, что главная площадь страны свое древнее название получила именно после 1917-го — в соответствии со вкусами наступившей эпохи.

Сталин (И. В. Джугашвили), железный Феликс (Ф. Э. Дзержинский), металлический человек (Я. М. Свердлов) — сколько их, названных на манер менделеевской таблицы, было в большевистской гвардии!

Храм Христа Спасителя, Сухарева башня... безжалостная расправа над другими памятниками истории и культуры. Только в нашей стране наделенный властью функционер мог безнаказанно, используя печать, провоцировать варварство — «Москва не музей старины, не город туристов, не Венеция, не Помпея. Москва не кладбище былой цивилизации...» *

Первые годы советской власти сопровождались творческим энтузиазмом масс, жаждой великих преобразований. Опьяненные лозунгом «Каждая кухарка должна научиться управлять государством!» новые хозяева жизни восприняли его как руководство к действию. «Гениальные» идеи и предложения, фантастические проекты, глобальные реформы...

Сгустки раскрепощенной глупости прошлого в виде пухлых и тонких дел, статей, докладных записок и прочего материала в ожидании своего исследователя покоятся в архивах и библиотеках.

Грандиозный марафон, приведший страну в тупик, начался еще до Октябрьской революции — в неспокойные летние дни 17-го. Все началось, казалось бы, с пустяков. Например, в Саратове университетские сторожа потребовали, чтобы их представитель вошел в совет профессоров... Или: в Николаевском уезде волостной комитет за оказание медицинских услуг некоторым его членам наградил фельдшера Турылева званием врача и констатировал, «что народная власть все может». Действительно, потом уже могли все.

Революция победила в Петрограде и Москве, затем началось «триумфальное шествие» советской власти по всей стране. Казалось бы, всё — победа. Но этого было мало. Требовалась реклама великому событию. В этих целях только до конца 1919 года «свержение самодержавия» прошло дополнительно еще... 250 раз **, в виде инсценировок и манифестаций. Досталось и Зимнему дворцу.

В Армавире 1-я Советская гостиница по воле и фантазии организаторов мероприятия временно превратилась в великое творение Растрелли. Внутри ее (или его) заседало «Временное правительство». У входа — юнкера. Ружейные залпы и пулеметный огонь. Красногвардейские части бросаются на штурм... В Николаеве в тех же агитационных целях Зимним стал музей Верещагина.

В 1918 году в СССР был введен григорианский календарь, но этот шаг советского правительства не рассматривался как окончательный.

---

* Известия, 1925, 22 ноября. Из статьи заведующего Московским управлением недвижимого имущества Н. Попова. Здесь и далее в приводимых документах и цитатах сохраняется стиль подлинника.

** А. Конович. Театрализованные праздники и обряды в СССР. М., 1990, с. 76.

Революция, уничтожившая в стране власть церкви, стремилась очистить и календарь от религиозных традиций. Этот вопрос широко муссировался нововявленной общественностью в 20-е годы, когда рабочие и крестьяне через редакции газет и журналов предлагали ввести новое летоисчисление, переименовать воскресные дни. Суровое, решительное время, наполненное жаждой перемен. Характеризуя его, достаточно вспомнить, что в 1923 году высказывалось следующее предположение: «...новолетие считать с 7 ноября, а летоисчисление вести с 1917 года, который считать 1-м годом коммуны».

Досталось и христианским праздникам — старые искоренялись, взамен вводились свои, искусственные, новые. В этой связи показательна «инициатива» студента I МГУ Н. П. Осиповича.

ЛЕНИНДЕНЬ*

Один из дней недели — день отдыха пролетариата (воскресение или вторник) надо назвать — «ЛЕНИНДЕНЬ».

Если воскресение будет заменено — «ЛЕНИНДЕНЬ», то пошлое в нашем понимании с религиозной точки зрения название дня «Воскресение», будет раз и навсегда вычеркнуто из обихода и календарного расписания нашей жизни.

Название «ЛЕНИНДЕНЬ» будет прекрасной памятью для пролетариата, так как с именем ЛЕНИНА связаны не только освобождение труда, но и стремление путем развития производительных сил облегчить труд, увеличивая количество времени для разумного отдыха.

День отдыха должен быть не днем праздного, пьяного разгула, или убиваться на выслушивание поповских проповедей, а посвящен изучению и чтению социалистических учений — в первую очередь сочинений ЛЕНИНА.

Его сочинения являются неиссякаемым источником к революционной борьбе и организованному радостному труду.

Пусть в день отдыха — «ЛЕНИНДЕНЬ» — не звуки церковного колокола и евангельских сказок, а призывный клич радио-сирены, радиограммофона, радио-телефона и кино говорят пролетариату о победе в мире заветов Ильича.

17 февраля 1924 года Н. ОСИПОВИЧ
г. Москва, I МГУ

1924 год. Это не только конечная дата жизни вождя. Это еще и время, когда советским правительством была предпринята попытка перенести прах Карла Маркса на Красную площадь. Это событие, по мнению Л. Б. Красина, должно было бы стать «демонстрацией, имеющей мировое значение, и явилось бы официальным признанием Москвы как центра всемирного революционного движения» **. Не вышло — останки остались непотревоженными.

А годом раньше была образована лига «Время». Организация ставила целью правильное использование и экономию времени во всех проявлениях общественной и частной жизни «как основного условия осуществления принципов НОТ (научная организация труда.— А. Я.) в СССР». Правда, не обошлось без перегибов и тут. «Переживаем годы стремительного технического прогресса. Жизнь самым коренным образом перестраивается на наших глазах. Но есть области, которые невероятно отстают от общего поступательного движения. Когда Пушкин и Гоголь ездили на почтовых, они писали **тем же письмом**, которое употребляем и мы, путешествующие на автомобилях и аэропланах. Рабочая революция, конечно, и здесь дала сильный толчок вперед. Был введен целый ряд сокращений, были уничтожены буквы Ѣ, і, Ѳ, Ъ. Но этим далеко не исчерпано все, что нужно сделать. Не пора ли поэтому обсудить вопрос: возможно ли коренным образом упростить наше письмо. Можно было бы оставить в начертании букв только характерные черты. Слог должен заключать в себе изображение только согласных, а гласные изображать символически — путем повышения или расширения согласной».

* ЦГАОГ СССР, ф. 5574, оп. 2, д. 41, л. 96.
** Вечерняя Москва, 1924, 26 мая, № 119.

Началась эпоха различных кампаний. Боролись с религиозным дурманом, со старым укладом и еще много с чем, что считалось буржуазным пережитком. Как писал Н. А. Семашко: «Плуг нового быта должен вспахать почву глубоко и выкорчевать корешки старых обычаев и привычек» *. И допахались... Под прессом партийной идеологии многовековая культура России рухнула, и на пепелище ее начал произрастать чертополох. Время доказало вздорность и полную нежизненность этих идей. Спустя десятилетия, постепенно все возвращается на круги своя.

Интересно, смешно и одновременно горько изучать документальное наследие тех лет. Вот одно из них:

НОВАЯ ОБЛАСТЬ РАБОТЫ
(Предложение организации Лиги)

Лига направляется на путь борьбы за новый быт. Эта борьба прежде всего

БОРЬБА СО СТАРЫМИ ОБЫЧАЯМИ — ПЕРЕЖИТКАМИ,
сохранившимися в нашем быту.

РУКОПОЖАТИЯ
являются одним из таких пережитков.

НОВЫЙ БЫТ — ПРЕЖДЕ ВСЕГО —
ГИГИЕНИЧНЫЙ БЫТ.

А что может быть антигигиеничнее поистине варварского обычая рукопожатий?

Оставшись от тех времен, когда люди, встретившись, обменивались рукопожатиями, этим показывая, что у них в руках нет оружия,— обычай этот удерживался в веках и является одним из вреднейших и уродливейших пережитков.

В самом деле:

РУКОПОЖАТИЕ — ПЕРЕДАТЧИК ЗАБОЛЕВАНИЙ.

Не одна тысяча людей ежегодно заболевает только благодаря рукопожатиям. Не одну сотню тысяч рублей государство тратит на лечение этих заболеваний.

РУКОПОЖАТИЕ — ЛИШНЕЕ ДВИЖЕНИЕ,

борьба с которым — один из принципов НОТ. Рукопожатия мешают работе и отнимают время. Любители цифр подсчитали, что в одном учреждении Москвы за один месяц на рукопожатия тратится ни больше ни меньше, как 8 000 часов. Восемь тысяч **рабочих** часов. Так ли мы богаты, чтобы разрешить себе такие расходы? Восемь тысяч часов — это в одном учреждении за **один** месяц. Желающие пусть вычислят — сколько теряется рабочего времени во всех учреждениях, школах, воинских частях, на всех фабриках и заводах Союза ССР и сколько стоит милый обычай рукопожатия.

РУКОПОЖАТИЯМ НАДО ОБЪЯВИТЬ
РЕШИТЕЛЬНУЮ БОРЬБУ.

Организации Лиги должны выступить застрельщиками в этом деле. Старые формы борьбы — объявлениями: «Рукопожатия отменяют-

* Культурная революция и оздоровление быта. М., 1929, с. 8.

ся» — доказали, что они почти ничего не дают. Нужны новые формы и новые подходы. В первую очередь надо

МОБИЛИЗОВАТЬ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ,

привлечь к этому делу печать (стенгазеты в том числе). Организовать выступления: трехминутные доклады с обязательным принятием соответствующей резолюции (выработать заранее). Личный пример в этом деле должен играть первенствующую роль:

ЛУЧШАЯ ПРОПАГАНДА — ПРОПАГАНДА ДЕЙСТВИЕМ.

Лозунгам и плакатам о недопустимости рукопожатий надо придать такой вид, чтобы они действовали на сознание. Имеет смысл выпуск специальных значков для противников рукопожатий.

Не надо забывать о необходимости делиться опытом этой борьбы, оповещая и о результатах ее.

Ячейки Лиги должны создать ударные тройки по борьбе с рукопожатиями, которые поведут работу по пропаганде, вербовке сторонников, установлению контакта со здравячейками и так далее.

Не нужно впадать в крайность и требовать полной отмены приветствий. Замена рукопожатий

ПИОНЕРСКИМ ПРИВЕТСТВИЕМ

нас может удовлетворить: экономнее и гигиеничнее. Вместе с тем пионерское приветствие — один из «целесообразных трафаретов для типичных, повторяющихся в нашем быту явлений», в борьбе за которые — по постановлению Совнота — должна принять участие Лига.

Борьба с рукопожатиями — не отказ от прежних задач Лиги, а лишь начало развертывания работы в новой области. Эта борьба — не разменивание на мелочи:

К БОЛЬШИМ ЦЕЛЯМ МОЖНО ИДТИ И ЧЕРЕЗ УЗКИЕ ДВЕРИ.

Выработка гигиенически-целесообразных норм и проведение их в жизнь — одна из важнейших задач, стоящих перед Лигой.

Некоторые организации Лиги уже вступили на этот путь. Татарская организация, например, объявила членов Лиги свободными от рукопожатий. Работу эту надо расширять и развивать, надо стремиться к тому, чтобы каждый из возможно большего числа граждан СССР мог сказать себе:

«Я АНТИРУКОЖОМ».

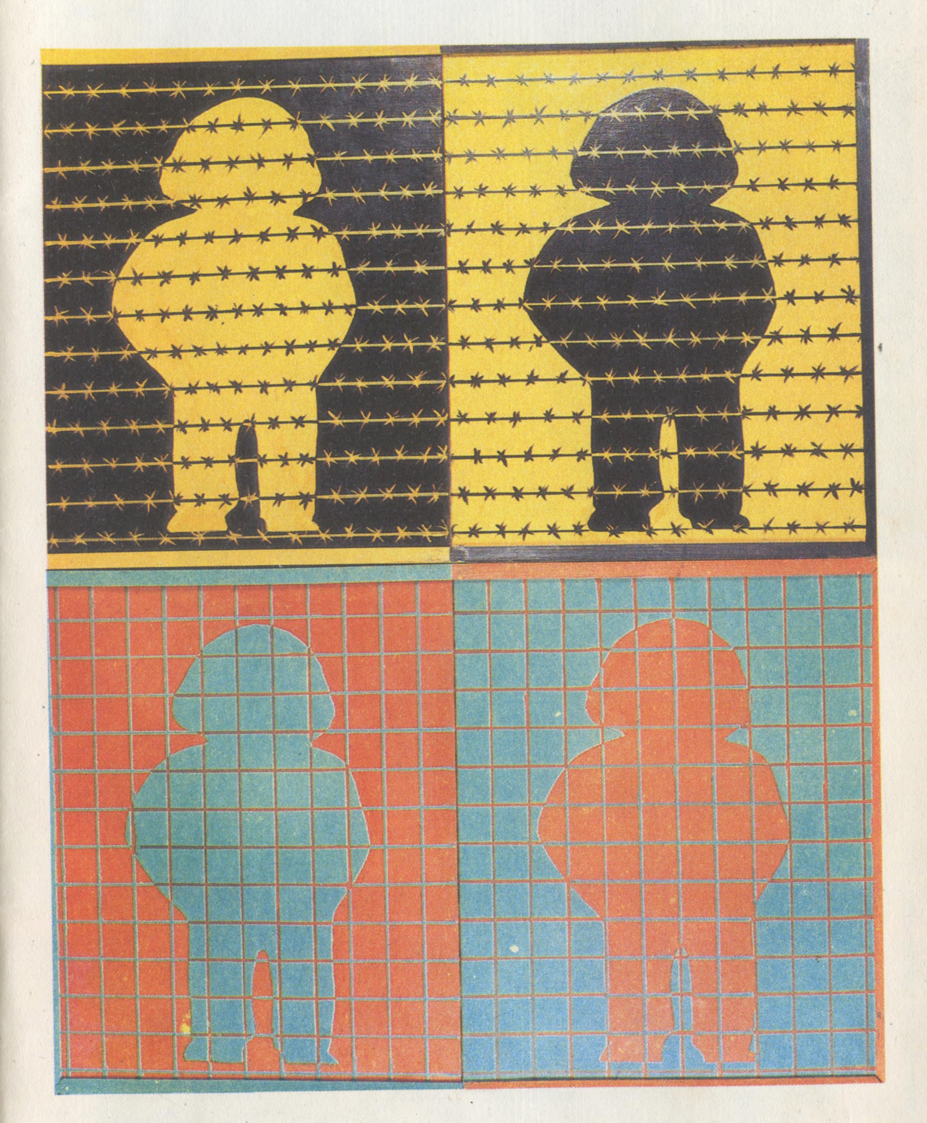
Иногда казенная бумага, написанная в канцелярии или кабинете, обыкновенный приказ за номером, листовка, воззвание больше говорят историку, чем воспоминания очевидцев...

Катиться в светлое будущее Россия начала под многомиллионный победный клич: «Мы наш, мы новый мир построим». И хотя сомнений в созидательных потенциях социализма тогда еще не возникало, все же в 1922 году Наркомздрав Республики посчитал необходимым включить в анкету, распространявшуюся среди московских студентов, вопрос весьма деликатного свойства: «Как повлияла Великая Революция на схему (Вашего.— А. Я.) полового чувства!» А тем временем комсомольцы литейного цеха Людиновского завода (Брянская область) обсуждали вопрос «О половых сношениях». Постановили: «Половых сношений нам нельзя избегать. Если не будет половых сношений, то не будет и человеческого общества». Мудро рассудили. Но ученые мужи размышляли иначе — коль великий эксперимент начался, то нужно заодно попробовать скрестить строителя светлого будущего с обезьяной. Так в одном из номеров газеты «Безбожник» рекомендовались

ОПЫТЫ ПРОФЕССОРА ИВАНОВА

Академия наук СССР ассигновала проф. Иванову 10 000 долларов для организации экспедиции в Африку с целью устройства опыта скре-

Аннамухамед ЗАРИПОВ

Автопортрет

Поверженная Пери

Натюрморт с раковиной

щивания человека с обезьяной. Путем скрещивания профессор Иванов надеется получить новый вид существ, гораздо более одаренных, чем обыкновенные антропоидные обезьяны, и осветить тот путь, каким шло развитие животного мира. Удачное завершение опыта явится новым доказательством эволюционной теории *.

Но будем справедливы: кое-кто не соглашался с подобным подходом к проверке знаменитой теории Дарвина.

В математике иногда встречаются нелепости. Теорема нарочно доказывается так, чтобы доказательство привело к неверному выводу, к абсурду. Это так и называется «приведение к абсурду». В жизни, и особенно в нашей, это тоже случается.

22 мая 1932 года во всех газетах Союза за подписями Сталина и Молотова было напечатано постановление «Об уничтожении засухи в районах Заволжья». Восторгу не было предела. Как комментировался этот правительственный акт одним из специалистов, мы можем узнать из следующей цитаты: «Декрет против стихии. Еще никогда люди не брались за решение такой задачи... Засуха — враг. И против этого врага в Советском Союзе издан почти военный декрет» **. Сколько подобных громких идей рассматривалось в то время! «Вот величественные водные системы: Иртыш, Обь, Енисей, Ангара, Лена. Все значительно больше Волги. Все несут неисчислимые запасы вод в Ледовитый океан. Почти без малейшей пользы для человечества. А 100 000 000 десятин мертвых пустынь Южной Сибири изнывают от безводья. Повернуть течение рек на запад, затем на юг.»

Бодрящие дух здравицы в честь грядущих успехов, тенденция к гротеску и гиперболе, громкая фразеология, все это в 30-е годы насквозь пронизало официальную идеологию и пропаганду.

В 1929 году в издательстве «Плановое хозяйство» вышла книга Л. М. Сабсовича «СССР через 15 лет». Свой труд автор не без скромности назвал «гипотезой генерального плана». 159 страниц текста, на которых языком цифр было предсказано советским труженикам фантастическое развитие экономики страны. С особым оптимизмом как завоевание ближайшего будущего преподносилась идея о том, что за счет поднятия производительности труда рабочий день сократится до 5 часов, освободив от общественного обязательного труда всех лиц моложе 21 года и старше 50 лет. Также в основных выводах утверждалось, что уже через 15 лет в результате достигнутых успехов можно будет, наконец, осуществить основные принципы социализма: право каждого на труд и право на полное социальное обеспечение всех, кто не может работать по возрасту или нетрудоспособности. Сегодня эти выкладки воспринимаются подобно заверениям Хрущева, что уже нынешнее поколение будет жить при коммунизме.

Хотеть никто не запрещает.

Наступила эпоха прозрения — гласность, а следовательно и решительного исправления ошибок, просчетов предыдущих поколений.

В поисках выхода из создавшейся ныне критической ситуации в правительство поступают многочисленные предложения, на обсуждение которых преступно уходят недели, месяцы. Снова, как когда-то, метод научного подхода в решении насущных проблем уступает методу тыка.

Кажется мы снова в бессрочном походе в поисках синей птицы...

---

* ЦГАОР СССР, ф. 5407, оп. 2, д. 75, л. 7.
** М. Ильин. Горы и люди. М., 1936, с. 86—87.

МЕЖ ДАТАМИ РОЖДЕНЬЯ И КОНЧИНЫ —

а перед ними наши имена —
стоит тире, черта, стоит знак «минус»,
а в этом знаке жизнь заключена.
В ту черточку вместилось всё, что было.
А было всё! И всё сошло, как снег!
Исчезло, растворилось и погибло,
чем был похож и не похож на всех.
Погибло всё мое! И безвозвратно!
Моя любовь, и боль, и маета.
Всё это не воротится обратно,
лишь будет между датами черта.

О стихотворных способностях автора можно спорить, но уж из отечественного кинематографа имя его ни перстом, ни пестом не выкинуть — Эльдар РЯЗАНОВ...

— Эльдар Александрович, поведайте как мэтр, что будет с нашим киноискусством? Надолго ли нынешний мутноватый всплеск киноерунды?

— В нашей стране самые благородные общечеловеческие идеи, согласно которым все живут хорошо, принимают вид безобразия. Думаю, и 20-летним не достанется нормальной жизни (про себя уж и не говорю). У нас все будет «правой рукой за левое ухо». И увы, последние 6 лет не придали мне оптимизма. Я очень понимаю людей уезжающих. Я их вовсе не осуждаю. Притом я — патриот своей страны, и не собираюсь никуда эмигрировать. Считаю, что стране надо помогать, как можно. Но у нас воспитан за 70 с лишним лет специфический тип людей — советских, которые вместе образуют скорее не народ, а бывший народ. Коммунистической партии удалось разрушить многие добрые черты, свойственные русскому характеру. Не хочется произносить слово «ублюдки», но «манкурты» для многих из нас — просто комплимент. Огромное количество людей разучилось работать, могут только делить награбленное, перераспределять, хитрить, ловчить, мошенничать... И что ждет нашу страну — не знаю. Итак, помимо национальных конфликтов, нищеты, бедности, самый главный урон нанесен человеческому обществу. Народ, повторяю, изуродован. Естественно, как и в любой навозной куче, попадаются жемчужины, но крайне мало — они не сделают погоды.

А что будет с киноискусством?.. В любой стране рынок выдерживают только поделки, рассчитанные на невзыскательный вкус. Но в любой стране существует и меценатство. Скажем, в Америке я был в университете в Сан-Франциско. Кинофакультет. Написано «Тон-студия Стивена Спилберга». Спрашиваю: что это? А это богатый режиссер, чтобы не платить налоги с огромных сумм, построил студию звукозаписи для университета за свой счет. И там множество толстосумов предпочитают тратить налоги со своих сверхдоходов на культуру. Они не только льстят своему тщеславию, но и знают, что тратят деньги на конкретное дело. А все наши милосердные и прочие фонды — «братская могила».

У нас вообще настоящее искусство не может пока существовать на самоокупаемости. На мои картины, грех жаловаться, ходили, и я надеюсь, пойдут. Но уже сейчас уйма хороших фильмов лежит без движения. Мы делаем 400 фильмов в год вместо прежних 150-ти. Молодые, энергичные люди где-то достают деньги, что-то снимают... Картин этих не бывает ни на фестивалях, ни в кинопрокате. Как они окупаются — загадка. Но в свободных городских афишах 2-3 советские ленты типа «Бабника» или «За прекрасных дам» да американщина, подержаная, потертая, бывшая в употреблении, не содержащаяся ни в каких каталогах — нечто второсортное. И народ с непривычки с охотой это «ест».

Находятся какие-то организации, какие-то спонсоры, но системы благотворительности, некогда, к слову, бывшей в России,— еще нет. Может, возникнет нормальный рынок — возникнет и система благотворительности. Раньше меценат посылал художника учиться в Италию; певца, скажем, стажироваться в «Ла Скала». Сейчас меценатство какое? Заходишь в магазин — тебя узнают в лицо. И из-под полы дают кус мяса или кило творога. Меценатство по-советски.

— Какого вы мнения об Исмаиле Сулейменовиче Таги-заде, новом шефе АСКИН? Это действительно акула капитализма или..?

— Это явление странное.

Если вспомнить как вообще рождался рынок, скажем, в Америке,— первые капиталисты были, думаю, не ангелы,— бандиты, мошенники... Капитализм рождался не в раю. Это уж дети и внуки получали образование и хорошие манеры... У нас сейчас нарождаются капиталисты первого поколения. Кто это будет? Или партийные чиновники, которые отмывают коммунистические деньги, вкладывая их в разные предприятия, или «теневики», находившиеся, по сути, вне закона и занимавшиеся черным бизнесом. Ну как отнестись к людям, открывшим тьму видеосалонов, где зашибают монету ворованными картинами? Кто они? Что они просто непорядочны — ясно. Что они действуют противоправно — для меня тоже ясно. Богатство их — нечестное. Однако дальше им предстоит как-то закрепиться. Если функционер, отмывающий партийные деньги, обратится в дельного, настоящего бизнесмена и принесет прибыль, и люди от этого заживут лучше,— да Бог с ним! Пусть жиреет тысяча мерзавцев, но коли остальные 290 миллионов в достатке — я согласен это вытерпеть. Ибо идея Справедливости — чтобы все были одинаково нищими — себя скомпрометировала. Равенства все равно, увы, не будет. А честных и порядочных миллионеров нынче теоретически и быть не может, за редким исключением.

Поэтому я о Таги-заде ничего сказать не могу. Мне известно происхождение его денег, я слышал его интервью. Этот мешок с деньгами многих купит, да уже и купил — и творческих деятелей, и всю «госкиновскую» номенклатуру. Повторю, у меня нет никаких внятных обвинений, однако наличие таких денег, рожденных в недрах нашей системы, не может не вызывать подозрение и настороженность.

— Вы сказали: народ испорчен. А возможно ли возрождение?

— Я надеюсь. Не может исчезнуть такой великий народ как русский. И другие национальности, у которых даже более древние культурные традиции и которые социализм тоже изуродовал чрезвычайно.

— Но нашей стране не избежать революционных преобразований. И люди вашего возраста, вероятно, ощутят себя эмигрантами на родной земле?..

— У англичан в парке прекрасная трава — можно ходить, скакать, валяться — она не мнется. И когда спрашивают: как вы за ней ухаживаете, отвечают: никак, просто мы ее 300 лет стрижем. В общем, и нашу страну надо столько же лет стричь, чтобы она превратилась в цивилизованную. Во всяком случае, на это уйдет много-много-много времени. Моисей вывел израильтян из Египта и 40 лет водил по пустыне, чтобы вымерло поколение рабов. Но у него была пустыня. А нас куда девать? Нас слишком много. У меня есть стишок:

А что же делать с нашим поколеньем?
Оно пойдет на удобренье...

И хорошо еще, если на наших костях взойдут демократические, человеческие, гуманные цветы, а не ядовитые, великодержавные, тоталитарные, превращающиеся в ягодки бомб и грибки взрывов...

Но кто в недрах прошлой системы сумел сохранить себя честным, незамаранным — эти люди сейчас не рухнули. Среди них — Окуджава, Битов, Искандер, Ахмадулина и еще немало других.

— А вы?

— Я всегда старался отстаивать свободу художника, и за картины свои не стыжусь. Иногда они были смелыми: «Карнавальная ночь», высмеявшая бюрократию, «Берегись автомобиля», «Гараж»... Поначалу моя позиция была скорее инстинктивной. Из чувства чистоплотности, что ли, старался сберечь душу. Не скажу, что я сразу уж так все насквозь видел. Я никогда не был членом партии, и проблема выхода из КПСС для меня не стоит. В свое время существовала проблема не вступить в нее. Меня убеждали, арканили, улещивали... Я устоял. Иногда ценой каких-то потерь: не пускали за границу, не давали каких-то наград. Но внутренняя свобода была мне дороже. И я оказался прав.

Наше поколение... Если же мы возьмем других людей, обласканных прошлым строем, «Героев Социалистического Труда», которые сидели в президиумах, клеймили Солженицына, осуждали Сахарова, словом, все делали по указке,— они переживают сейчас невеселые дни. Но сложно еще и простым людям, которые верили в идеалы, жили в коммуналках, не досыпали, не доедали ради светлого будущего. И вот выяснилось, что лозунги оказались фальшивыми, призывы — липовыми, идеология — насквозь порочной. Они жизнь свою отдали, они трудились, штурмовали, выполняли план... А сейчас им говорят: это все вранье. Что они чувствуют? Жить без идеалов чрезвычайно трудно. Ужасно человеку признать, что жизнь свою он прожил напрасно, профукал, пустил по ветру. И поэтому многие из них поддерживают компартию,— в этом их самооправдание. И одновременно эти люди — питательная среда для коммунистов.

— Вы снимали картины, сознавая их общественную роль, или творили лишь для себя?

— Ситуация в России — всегда особая. Искусство несло функцию совести, чести и правды. И поэтому русские писатели — и Пушкин, и Толстой, и Достоевский, и Некрасов — несли в себе еще и благородные, демократические или просто нравственные идеалы, коих невозможно было почерпнуть в монархии. Наше искусство всегда было политизировано и оттого в принципе не может быть аморфно. Только когда все жгучие проблемы решены, можно писать романы или снимать фильмы о проблемах сексуальных меньшинств. Но если я сделаю фильм об этом сегодня, боюсь, что меня никто не поймет. Жрать нечего, гражданская война, катастрофы, беженцы... Словом, фильмы на изысканные темы еще очень и очень далеки от нас,

— А вообще хотели бы снять фильм такого рода?

— Фильм «Ирония судьбы» — такого рода. Сделанный в эпицентре застоя, он нес в себе и социальную нагрузку, давал утешение, надежду в жизни: что хотя бы любовь может спасти от полного распада. Это скрытая тема, но она имелась в виду. И такая городская сказка для взрослых имела успех, ибо затрагивала в каждом неизбывное желание счастья. Не говоря о том, что она, наверное, и недурно сделана.

Разумеется, я бы хотел «делать» Бунина. Вот был в Кисловодске... Весь город и окрестности — замечательные декорации для съемок. Все сохранилось, как на водах в начале века. Пушкинские павильоны, лермонтовские гроты... Если взять героев Бунина, и... Но тут все горит... Я-то не могу этого не чувствовать — это моя жизнь. Я хожу в универмаги, стою в очередях, что-то достаю и т. д.

Так что избежать реалий и замкнуться в башне чистого искусства — дело грядущих поколений, когда общество как-то наладит свою жизнь. Я имею в виду не только материальную сторону. Главное, что у нас множество моральных уродов. Это самая огромная и самая трудная работа. Незаметная, требующая огромного времени, огромного терпения, для нее нужны хорошие примеры, требуются подвижники.

— Вы вот все обобщаете, а Эльдар Рязанов лично чувствует себя стариком, когда вокруг штормит?

— Это чувство зависит от того, как ты воспринимаешь себя в контексте времени. Есть люди, которых перестройка не востребовала. А я очень «востребован». Ежечасно звонит телефон. Кончаю картину «Небеса обетованные», картину, которая, как мне кажется, отражает глубинные чаяния народа, а не является поверхностным, конъюнктурным «снятием сливок». Я сочинил повесть «Предсказание», которую принял к печати журнал и издательство. Прорва творческих встреч... Просто не хватает ни сил, ни времени. И поэтому нет ощущения, что я — старик. Я, скорее, напротив... Душа пока не омертвела.

Разумеется, бывают всякие физические состояния,— что ж делать,— но морально, душевно я себя старым не чувствую.

— А вы не хотели бы возродить «Кинопанораму» на российском ТВ?

— Я хотел бы делать программу вообще о культуре: театре, живописи, литературе... И так кино сейчас присутствует во многих передачах. Зачем толочься на одном пятачке? И вообще, «Кинопанорама» умерла. А программа типа «Вечер с Владимиром Познером» — мне интересна. Словом, я хотел бы на российском телевидении готовить своеобразную передачу. Но надо подумать... Свобода — как палка о двух концах. Раньше намекни на что-то — и герой, смельчак... А сейчас личного мужества для этого не требуется. Только качество произведения, высокая культура, безупречность продукции способна завоевать авторитет.

— Не ослабло ли в вас чувство юмора? В народе вообще?

— Анекдоты продолжают рождаться, хоть и меньше, но ослаб эзопов язык. Раньше, повторяю, палец покажи, намекни — и уже хохочут. А последние монологи Жванецкого, коего я люблю, чту и уважаю,— очень печальны, грустны и несмешны — страшны. Это естественно. Вот мой новый фильм: первая половина очень смешная, вторая — очень горькая. Я, правда, всегда делал картины так, чтобы смех переходил в грусть.

— А как вам кажется, в своей повседневности вы управляете обстоятельствами, или обстоятельства — вами?

— Пока что я управляю обстоятельствами. Естественно, я не могу с ними не считаться. Вот к примеру, сейчас мне надо поехать в отпуск, и я первый раз в жизни в полном тупике. Я не хочу ехать в Грузию — там война и землетрясения. Не поеду в Прибалтику — могут назвать «оккупантом». Не могу ехать в Крым — грязно, купаться нельзя... И вот проблема — ехать ли отдыхать вообще? Но я четыре года не был в отпуске, что в мои годы совершенно недопустимо. В этом случае обстоятельства мной управляют.

Но в выборе темы для работы, в том, что я хочу создать, написать, сочинить, выступить — тут я управляю обстоятельствами. У меня огромный круг единомышленников и близких людей. Поэтому ощущения обреченности нет. И в какой-то степени я управляю обстоятельствами. Может не вполне, но это, по-моему, не дано даже Горбачеву. Думаю, я даже свободнее его.

— Любимый цвет?

— Говорят, мне идет синий... Ко всем цветам, как и ко всем нациям, я отношусь замечательно.

— Эльдар Александрович, а что бы вы пожелали прочесть о себе в некрологе?

— Я бы, главное, хотел прочесть о себе: «Этот человек в условиях страшной тоталитарной системы сумел сохранить живую душу и остаться самим собой».

Вел беседу Юрий ЮГОВ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Борис Дубин

О ТОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА НЫНЕШНЕМ ПЕРЕЛОМЕ

Когда осенью прошлого года во Всесоюзном центре изучения общественного мнения (ВЦИОМ) обсуждали замысел исследования того, как сегодня относятся люди к Октябрьской революции, возникло немало сомнений. Все они фактически сводились к одному комплексу: осознают ли респонденты в разных концах страны это событие как часть своей истории? Есть ли еще эта единая история для всех? И существует ли само то целое, отношение к истории которого мы собираемся изучать?

Из данных проведенной работы стало ясно, что, по крайней мере, о большинстве людей, объединенных своими оценками Октября — причем оценками как традиционными, устоявшимися, так и сравнительно новыми, оформившимися лишь в последнее время,— говорить пока еще можно. Из дальнейшего развития событий в стране — от краха намечавшегося союза между Центром и Россией через экономический распад державной целостности к нынешним центробежным усилиям все большего количества вчерашних республик — прояснилось и то, что сомнения в уместности опроса были, скажем так, не совсем беспочвенны. Мы успели захватить, похоже, какую-то почти последнюю фазу идейного (точнее — идеологического, если не мифологического) единства: сегодня нам вчерашних результатов бы уже не получить. И в этом нет никакой случайности или чьей-то злой воли. Ведь задавая вопросы о движущих силах революции, ее вождях и антигероях, цене побед и тяжести утрат, мы, собственно, и спрашивали о судьбах «страны как целого»: о центральном событии ее истории, о главной действующей в этой истории силе, «вожде» и его «врагах» — обо всем том, созданном пропагандистской системой и заботливо взращенном яслями и школой комплексе верований, который для сотен миллионов людей объясняет это целое, делает его «своим» и без которого этой целостности попросту нет.

Задававшая границы и жизнедеятельность этого целого система насильственной власти, неустанно воссоздавала и поддерживала свою мифологию, которая опять-таки поддерживала и воссоздавала в ее «законности» и «незыблемости» данную власть, власть безальтернативную. Части этого, условно говоря, монолита устроены так, что любая из них подразумевает и даже обозначает, может замещать любую другую и каждая часть вместе с тем отсылает к целому, дорисовывает его, всякий раз демонстрирует. Так, все целое вполне представляет его центр (столица, Кремль), который воплощен в соответствующей организации (партии), а ту, в свою очередь, олицетворяет вождь. Все остальное либо включается в эту бесконечную игру отражений со знаком «плюс» — и тогда это «основа», «опора», «база» и тому подобное, которая в целом «наша», но только пока не дотянула по части организованности (таковы народ, масса, окраины и другое), либо отторгается от нее, получая ярлык «врага» — внешнего или внутреннего, отсюда весь теневой театр «империалистов», «диверсантов» и «сепаратистов».

Понятно, что возможности выбора для каждого отдельного человека при этом предельно просты: либо «я счастлив, что я этой силы частица», либо «сдайся, враг, замри и ляг»; состояние гражданской войны или ее, говоря словами молодежной песни, «предчувствие» — основной модус жизни описываемого, имперского по своему происхождению целого. Все это и подразумевается разговором об отражении Октябрьской революции в массовом сознании; лишь об игре этих отражений здесь и пойдет речь: больше половины наших опрашиваемых родились после войны и никаких других «строительных материалов» для создания своего образа истории страны и революции как ее главного события — кроме книг и фильмов — не имеют.

А вчера эти фильмы и книги (от эйзенштейновского «Октября» до телевизионных многосериек про ЧК и от программного «Как закалялась сталь» до секретарских эпопей Проскурина и Иванова) были одни, сегодня — иные... Не случайно оценки революции, как и вообще приверженность к властно-державному центру и его символам, столь заметно дифференцируются по возрасту. Вторая ось размежевания пристрастий и антипатий — между многообразием возможностей для независимого суждения (а оно в наших условиях связано с уровнем образования, наличием собственной библиотеки, жизнью в крупном городе, широтой подписки и тому подобным) и отсутствием такого потенциала автономности (отсюда и привязанность к «центру»). Ведь в конечном счете само состояние нерасчлененной массы, структуру которой может задать только единый центр, и порождает потребность в «твердой власти» и «сильном вожде», оно и предопределяет недосягаемую и внеконкурентную высоту этой власти и этого вождя, оно, среди прочего, так или иначе и скрывается за непроясненными словами о «силах инерции», «потенциале торможения». Движение же в обществе может быть связано лишь с началом полицентризма, дифференциации, самостоятельности различных сил и групп. Посмотрим, насколько ощутимы в сегодняшней социальной жизни обе эти тенденции.

Пик или откос?

Еще в конце 1989 года ВЦИОМ обратился к населению страны с вопросом о наиболее значительном событии в истории XX века. Второе место по количеству голосов (58%), после победы в Отечественной войне, заняла Октябрьская революция. Чьи пристрастия задали высоту этой оценки и что за нею стояло? Наиболее высока значимость революции была тогда для двадцатилетних, людей с высшим образованием, членов КПСС и ВЛКСМ, по роду занятий и статусу — руководителей среднего звена и представителей гуманитарных профессий (это, как правило, массовые профессии — педагоги, врачи, библиотекари и другие). Выше средней была доля приверженцев революции среди подписчиков «Комсомольской правды», «Правды» и «Труда». Концентрировались они заметнее всего в столице; чаще других это были русские, проживающие как в России, так и в других республиках, а кроме того — узбеки, молдаване, азербайджанцы.

По перечню характеристик можно сказать, что в большинстве своем перед нами — представители точки зрения «победителей» или государственного «центра» (даже если живут они на периферии и всего лишь переняли эту позицию от других), причем мобилизованные — через комсомол и партию — сравнительно недавно, «новобранцы». В связи с этой начальной фазой жизненной карьеры и своим зависимым положением в социальной структуре они, с одной стороны, достаточно конформны по отношению к государству и его властным институтам (выражают нужду в «жестком» руководстве, стремятся поддержать государство в «трудный для него момент», в высшей степени надеясь при этом на возможности КПСС), а с другой, связывают свои надежды с перестройкой, выделяя ее среди главных событий века и видя задачи нынешнего дня прежде всего в приходе к «подлинному социализму» и укреплении «моральных устоев общества».

Можно было уже и по этой конфигурации оценок и пристрастий, по среде их распространения предсказать, что именно данный идейный комплекс «хорошего», «морального» социализма, составлявший на протяжении 60—70-х годов невостребованный потенциал необходимых системе перемен, сам подвергнется в ближайшее время кардинальным изменениям. Это и произошло. Сдвиг к концу 1990 года затронул прежде всего молодежное крыло «конформистов-обновленцев», которые меньше чем за год пришли, как правило, к гораздо более радикальным оценкам и заняли теперь иное место в спектре воспринятых обществом идей.

Как показывают данные нашего недавнего всесоюзного опроса, к началу октября 1990 года уровень позитивных оценок революции колебался на несколько более низком, чем год назад, уровне. Их разделяет 45% населения: именно столько людей считают, что революция «открыла новую эру в истории народов страны», «дала решительный толчок их развитию»; практически столько же (46%) признают, что революция была «для целей, поставленных большевиками, необходима». Максимум положительного отношения к революции дают теперь более старшие возрастные группы — сорока- и пятидесятилетние, во многих случаях — люди старше шестидесяти, хотя часто примыкают к ним и респонденты 25—29 лет.

Так или иначе, мы отмечаем процесс дифференциации в оценках ключевого события новейшей истории страны: ось этой дифференциации — прежде всего возрастная, затем — культурная (идейная), и лишь в конечном счете — социально-статусная. Покажем это подробнее на отдельных сторонах комплекса оценок, связанных с революцией, и прежде всего — на отношении к организации, взявшей на себя ответственность за социальный разлом, и к ее руководителю.

Авангард и его вождь

Общий потенциал воображаемой «поддержки» тогдашней большевистской партии сегодня — 39% населения, причем поддержки активной — 22%. Отметим, что даже эта последняя цифра вдвое больше тех 9%, что одобряют деятельность нынешней КПСС. Как видим, миф, составная часть которого — «наша партия», сохраняет силу даже в условиях, когда ему противостоит более реалистическая и скромная оценка нашей политической структуры. Кстати, противопоставление «хорошего прошлого» «плохому настоящему» — одна из черт догматического, социально-безответственного, конформистского по своей основе сознания: к нынешнему, дескать, я не причастен, а раньше все было хорошо... Но вот что интересно: социальный состав и нынешних сторонников КПСС, и тех, кто активно поддержал бы большевиков в революции, едва ли не целиком совпадает. Это чаще других люди старших возрастов (свыше 40), низкого образования (до 9 классов), заметнее среди них доля жителей малых городов и села́, подписчиков «Правды», «Советской России», «Молодой гвардии», «Москвы» и тому подобных изданий. Их больше среди русских, белорусов, в ряде случаев — украинцев, молдаван, казахов. А противостоят им — по минимуму позитивных оценок — более молодые и образованные, жители крупных городов, подписчики радикальной прессы, коренное население Прибалтики и Закавказья.

Доля конформистов в первом случае в полтора-два раза выше, чем во втором. Максимум поддержки большевиков — до 50% среди «инертных», минимум — на уровне 20% среди «радикальных». Активно поддержал бы их в период революции примерно каждый третий из первой группы и лишь каждый десятый — из второй. И вот какой парадокс: прежнюю партию экстремальных мер и самые радикальные ее действия в прошлом поддерживает сегодня слой, не желающий признать нынешнего перелома и сохраняющий жесткий догматизм оценок.

Этот же более зависимый в социальном плане и более консервативный по оценкам слой лидирует и в позитивном отношении к вождю революции. И лидирует так заметно, что уровень массовой поддержки Ленина — в полтора раза выше, чем возглавлявшейся им партии. Он составляет 64%. Примерно столько же людей разделяли позитивное отношение к вождю революции в конце 1988 года — 68%; те же 64% еще годом раньше выделили Ленина как политического деятеля всех времен в опросе Института социологии (это, по данным наших опросов, вообще едва ли не наивысший уровень возможной массовой поддержки любой фигуры). Опять-таки в «консервативном» контингенте эта оценка достигает трех четвертей, а в «радикальном» колеблется на уровне 45%.

Группу более официальных взглядов и оценок (и ее «историю с точки зрения победителей») чаще представляют те, кто в наибольшей мере — по своему статусу, окружению, традициям — лишен возможности собственного, объективного и критического суждения, как и вообще возможности самостоятельных решений, выбора и действия. Достаточно сравнить тут спектр возможностей в республиканской столице и в рабочем поселке, потенции обладателей большой домашней библиотеки, включая широкую подписку на периодику,— и тех, кто ограничен «Трудом» и «Правдой», сравнительную открытость источников в крупных городах и «информационную блокаду» периферии и так далее.

Именно эта ось — автономии, с одной стороны, и зависимости, с другой,— кажется нам в данном случае решающей дело.

Но возможности выбора — и в этом важная особенность общей ситуации нашей страны в прошлом и настоящем — в целом, хотя и в разной мере, сужены у всех. Отсюда — расколотость массового сознания, ограниченного в средствах выработки альтернативных взглядов и оценок, которые смягчили бы противоречия и даже конфликты нынешних перепутанных пристрастий. Ведь описанную поддержку партии и ее вождя выражает то же население, которое, по данным этого же опроса, в подавляющем большинстве (89%) возлагает ответственность за беды революции и гражданской войны как раз на эту партию. Ведь, кажется, понимают люди, кто виноват, но не знают, что делать, на кого еще надеяться.. Дефицит источников смысла, многообразие которых только и может обеспечить автономию любого — индивидуального или коллективного выбора,— вот в чем проблема и вчерашнего, и нынешнего, и завтрашнего дней.

А потому еще одно следствие бедности или отсутствия выбора — надежда на сильные «лекарства» и большие дозы. Конформное сознание — хорошая почва для компенсирующего его беспомощность культа «железной руки». Инерция и стереотипность оценок и подходов сами, в свою очередь, оказываются связаны с упованием на единоличную власть, склонностью к жестким структурам авторитета — не отсюда ли симпатии к «партии нового типа», непременная страсть к вождепочитанию? За догматизмом оценок стоит жесткость систем ориентации, предпочтение оглушающих средств, способных своей концентрацией преодолеть растерянность и подавить сомнение. Потому уже не кажется странным, что в сознании людей, понимающих, казалось бы, все беды, принесенные народам страны и каждому ее гражданину насильственным внедрением утопии в жизнь, умещается и одобрение вооруженного захвата власти большевиками (ее считают необходимой сегодня 51%, среди консерваторов — до двух третей), поддержка широких полномочий ВЧК (50%, в более консервативных слоях — до трех пятых), второе место среди деятелей революции, полученное Дзержинским (41%, среди конформистов — до половины)...

Возможности исторической альтернативы

Они скромны: даже самые заметные 8% голосов, «отданных» сегодня тогдашним меньшевикам, в полтора раза превышены 12% тех, кто не поддерживает никаких партий (при 27% воздержавшихся от ответа). И если социальные и культурные характеристики уклонившихся от ответов здесь, как практически всегда, близки к конформистскому большинству, то среди противников любых партий заметнее других группа образованных и культурно-продвинутых тридцатилетних, руководителей среднего уровня, людей со значительными книжными ресурсами. Особенно часто встречается эта позиция — что за ней, усталость от политики или неудовлетворенность наличным спектром идей? — среди коренных народов Прибалтики.

Намечающийся, как будто бы, потенциал альтернативы — это молодежь на уровне республик. Здесь «поддержка» (идеологическая, разумеется) действовавшим в 1917 году национальным партиям достигает 20% опрошенных среди казахов и в Закавказье, социал-демократии меньшевистского толка — 12% среди молдаван и русских, проживающих в национальных республиках. Примерно на этом же уровне массовости в Азербайджане готовы поддержать эсеров и монархистов. Эта закавказская республика вообще дает пик монархистских настроений: последнему русскому царю здесь симпатизируют 29% опрошенных (среди эстонцев — 14%, при средних по стране — пяти).

На симпатиях к героям революционной эпохи, пожалуй, виднее всего воздействие массовых коммуникаций трех-четырех последних лет. Оно возымело успех по двум направлениям. Во-первых, в развенчании сталинского культа, сталинизма как политического течения (симпатии Сталину высказали теперь лишь 7%, впрочем, эта доля повышается до 15% среди неквалифицированных рабочих и в более старших возрастных группах, до трети — среди казахов). Во-вторых, в идейной и политической «реабилитации» репрессированных и вычеркнутых из истории соратников Ленина — прежде всего Бухарина (ему симпатизируют сегодня до двух пятых в продвинутых группах при 27% в среднем) и, в меньшей степени, Троцкого (около одной пятой среди продвинутого контингента при 15% в среднем).

Поскольку можно было высказать свои симпатии, как и антипатии, нескольким героям сразу, то в ответах образовывались наборы предпочтений. Имена исторических деятелей той эпохи отчетливо связались в три «списка», которым, как нам кажется, соответствуют три уровня переоценки деятелей революции в нынешних средствах массовых коммуникаций. Первая структура: Ленин и Дзержинский. Больше половины избравших в герои первого обязательно отмечают и второго, а среди выбравших Дзержинского доля почитателей Ленина достигает 84%; другой столь же сильной связи ни у одного из них ни с кем более нет. Вторая — Бухарин и Троцкий: каждый четвертый «бухаринец» симпатизирует Троцкому, 44% отдающих свои симпатии Троцкому поддерживают и Бухарина. Опять-таки столь выраженного «избирательного» средства ни у одного из этой пары ни с кем более нет. Наконец, в третью структуру складываются все и любые исторические оппоненты и противники большевистской революции; здесь «сторонники» императора гораздо чаще средней нормы симпатизируют и Керенскому, а «почитатели» Керенского — Колчаку, Милюкову или Махно. Важно одно: что их «герой» противостоит победившей партии. Особняком стоит Сталин: отдавшие симпатии ему практически не делят свои пристрастия более ни с кем, кроме — опять-таки единственного — исключения. 58% выбравших диктатора избирают вместе с ним и рыцаря революции Дзержинского.

Антипатии массового сознания концентрируются на Сталине — в мифах о собственном прошлом (да и настоящем) «злой вождь» по-прежнему противостоит «доброму». Негативные оценки развенчанного вождя высказывают в среднем 54%, а в более радикальных группах — примерно две трети (среди эстонцев — 92%, тогда как несколько ниже нормы — среди русских России и азербайджанцев). Исторические противники Октября выступают объектом антипатии примерно для каждого пятого — шестого респондента: для 17% это Махно, 18% — Керенский, 21% — Колчак.

Примечателен здесь опять-таки вот какой факт: в антипатиях к деятелям Октября, в том числе Ленину, лидируют, как правило, более молодые (и образованные), тогда как исторические оппоненты и противники революции и большевиков наиболее «неприятны» пожилым. Глубина усвоения старых стереотипов в большей мере производная от возраста. Впрочем, далеко не все из молодежи в этот процесс включены, да и 50—60-летние — это ведь по возрасту «шестидесятники»...

Монумент государства на развалинах общества

Однако еще большим трансформациям за последние годы подверглись взгляды массового респондента на средства, к которым прибегли

большевики для достижения своих целей. Речь — о тотальном насилии как способе разрушения социального целого, безальтернативном средстве замены его другим общественным строем и поддержания этого нового устройства, фактически — об уничтожении общества в лице составляющих его групп и институтов, правовых норм, культуры и идеологии. В целом теперь прямую поддержку масс насильственные меры внедрения утопий в жизнь чаще всего не получают (кроме случаев, о которых шла речь выше). Каковы здесь наиболее чувствительные точки общественного сознания, своего рода фантомные боли по уничтоженному?

Прежде всего, неприемлем для коллективного сознания сегодня — различимое эхо массовых коммуникаций! — урон, нанесенный революцией церкви и религии (так считает 81% против 8%, не разделяющих эту точку зрения). Другой нестерпимый для людей момент — расстрел царской семьи (его считают неоправданным 77% против 10% поддерживающих). Наконец, это раскрестьянивание России (для 72% революция нанесла тяжелый урон русскому крестьянству, 16% этого не ощущают). И суммируется все это в сознании ущерба, принесенного русской культуре (его чувствуют 70% при 16% не поддерживающих эту точку зрения).

Так что же это? Приверженность респондентов традиционному строю российской жизни, едва ли не империи? Воздержимся от столь прямых заключений. Тем более, что расценивают свержение самодержавия как серьезный урон лишь 12% опрошенных (60% с ними не согласны), а сожалеют об утрате дворянства 31% (не разделяют их чувств 47%). Думаем, речь тут о другом, более сложном.

Скорбь по поводу гибели царской семьи и церковной жизни скорее кажется нам точным негативом еще вчера вполне «позитивных» и даже восторженных устремлений, одушевлявших могильщиков старого мира и строителей мира нового. Отметим, что задеты здесь чувства, связанные с иерархией, больше того — с пределом иерархических отношений, высшими силами и высшею властью. Сознание вины за кощунство и грех отпадения — какой след непоправимой травмы чудится в этих ответах.

Французский политолог Ален Безансон видел воплощение всей безысходности исторического пути России в повторяющемся в русской культуре образе «убиенного царевича». Острота этого чувства не снимает того, что оно вновь и вновь повторяется, и трудно понять, то ли оно итог действия, то ли его стимул... Массовость и единовременность нынешнего осуждения вчерашних преступлений вызывает определенные раздумья, тем более на фоне позитивных оценок захвата власти и деятельности ВЧК, о которых упоминалось выше. И если в отношении таких мер по «упрощению» общественного устройства (по выражению Ключевского о реформах Петра), как национализация частной собственности и беззаконное закрытие оппозиционных газет, массовое сознание как будто пришло под влиянием сегодняшних конфликтов в печати и на телевидении к более здравой точке зрения (неодобрение этих мер более чем вдвое превышает их поддержку — 52% : 24% и 56% : 21%), то по проблеме представительных демократических институтов столь отчетливой позиции у масс пока нет. Разгон Учредительного собрания поддерживают 26%, против — 35%, затруднилась же ответить почти половина (47%). Для массового сознания это вопрос, видимо, не первостепенный, и источник сегодняшних тревог — не здесь. По крайней мере, опрошенные в целом не опознают в этом современной проблемы, не связывают это с нынешней политической ситуацией в стране. Напротив, тема частной собственности и уничтожения в ходе революции сословия предпринимателей, организаторов промышленности для многих сегодня

актуальна, о ней говорят и пишут. И вот результат: соотношение сожалеющих об утрате и благословляющих происшедшее опять-таки близко к новой, установившейся в результате всех переоценок, норме: 69% против 15% (сравните ответы о раскрестьянивании, культуре, царской фамилии, церкви).

Авторитеты вчерашние и сегодняшние

Интересна еще одна характеристика тех групп и слоев, которые более привержены сложившимся официальным стереотипам в оценке революции. К этим государственным мифам о прошлом гораздо более склонны те, кто и сегодня выражает одобрение нынешним централизованным структурам союзной власти — парламенту страны, его правительству, армии и органам государственной безопасности, партии, комсомолу и профсоюзам. Среди подобных приверженцев официального центра от половины до двух третей считают революцию выражением воли народов России (в среднем по стране так думают 39%), до двух пятых — что она открыла новую эру в их истории (при 22% населения в среднем). Почти две трети из доверяющих сегодня КПСС (64%) поддержали бы большевиков и в 1917 году (в среднем по стране 39%). 85% одобряющих деятельность президента страны выражают симпатии Ленину (при норме в 64%).

При этом поддерживают союзный центр чаще всего носители тех же характеристик, которые мы не раз перечисляли: люди старших возрастов, низкого уровня образования и квалификации, не имеющие автономных культурных ресурсов и так далее. Именно эти параметры определяют сейчас объем и границы социальной базы «центра», готовой и на нынешний день оказать ему поддержку. И все это при том, что официальные структуры раз за разом выявляют неспособность этой поддержкой воспользоваться, равно как и хоть что-то реальное сделать для своей социальной опоры.

Приверженность символам и лозунгам революции (при все более явственном осознании ее непомерной цены и краха всех связанных с нею надежд народа) — это уже служение не за страх, а за совесть, приверженность идеям и ценностям, а не просто послушание «Хозяину». За десятилетия обездоленной и подневольной жизни «как все» создано и укреплено в массовых масштабах жесткое и инертное рабское сознание с его смесью догматизма и апатии, угодливости и злобы, равнодушия и обиды, чувства своей никчемной силы и ощущения тягостной беспомощности. «Кирпичи» и «винтики» трудно преобразуются в людей и граждан. Процесс самоопределения этих последних как будто начался, но разворачивается очень медленно и по-прежнему осложнен традиционными пристрастиями, укоренившимися призраками, несмываемыми клише.

Баланс пристрастий

Подведем количественный итог. Какая доля населения поддерживает сегодня официально сложившиеся прежде и централизованно внедрявшиеся оценки Октября, а какая выразила отторжение от старых догм и стереотипов? Начнем с более широкого и самого мягкого одобрения «победителей». Оно характерно, пожалуй, для 60—65%: примерно таков совокупный объем групп, сплоченных ключевым символом — образом вождя; столько же считают путь, пройденный страной после его смерти, уклонением от «подлинной» революции. Около половины по-прежнему признают необходимость тех актов насилия и бесправия, на которые пошли большевики при захвате власти и уничтожении полити-

ческих противников. Двое из пяти отдают голоса за большевистскую партию. Каждый пятый поддержал бы большевиков собственными активными действиями, а каждый десятый (или около того) — действиями вплоть до кровопролития: примерно такая доля оправдывает и сегодня вооруженные подавления крестьянских восстаний, расстрел царской семьи, грабеж и уничтожение церквей (8%).

Наиболее же мягко отстраняются от средств, примененных в ходе революции, примерно четыре пятых — три четвертых (понятно, что частично они могут смыкаться с наименее жесткими оценками «в пользу» Октября). Это еще не позиция, но уже некоторая терпимость к позиции других: таковы взгляды тех, кто не поддерживает разгром церквей, убийство императорской фамилии, уничтожение культуры. Три пятых видят основную ответственность за беды революции и гражданской войны в политике большевиков. 30—35% не считают революцию необходимой, понимают серьезность урона, нанесенного стране и обществу уничтожением дворянства, отнюдь не склонны видеть в октябрьском перевороте исторический выбор народов России. Примерно 15—20% твердо не поддерживают революцию ни в каком из ее проявлений, видя в ней тормоз развития страны и национальную катастрофу. Около 5—8% наиболее радикальны в своем идейном отвержении Октября: они, по их оценкам, боролись бы с большевиками, не симпатизируют Ленину и Дзержинскому, видят в революции происки врагов русского народа (порядка 5%).

Окончательный же баланс таков: 40—45% сегодня — «за» революцию, 30—35% ее не поддерживают, одна пятая часть — колеблются.

Некоторые итоги и последующие события

За полгода, буквально промелькнувших после проведенной работы, ситуация во многом переменилась, хотя изменения шли по осям, нам уже знакомым, а непривычными — даже по меркам последних лет — были темпы этих сдвигов. В связи с нашей основной темой отметим, пожалуй, лишь четыре момента.

Первый — практически массовый разрыв неписаного пакта, долгие десятилетия и даже еще несколько последних лет связывавшего большинство терпящего и молчащего «народа» со взявшей за это на себя все «заботы» о нем властью. Ни одна из традиционных структур властеосуществления на союзном уровне не пользуется сегодня доверием людей (ни президент, ни партия, ни парламент, ни армия, ни КГБ) и, как все яснее, не может осуществлять власть хотя бы с минимальной эффективностью. Власть не только перестала быть «родной» и «своей», но и попросту властью: 56% населения страны в марте заявили, что не верят руководству.

Соответственно, рухнуло и идеологическое прикрытие монопольного господства, распространявшееся не только на прошлое и настоящее, но и на будущее. Преобладающая часть населения не представляет себе, что такое «коммунистическая перспектива» (по февральскому всероссийскому опросу — 55% людей), не верят в возможность построения «светлого будущего» (по данным этого же исследования — 47%). Почти две пятых (самая большая в количественном отношении группа) считают, что социализм доказал за три поколения свою несостоятельность и надо идти путем развитых стран. Больше половины россиян (56%) при этом — за «шведскую модель» развития, тогда как год назад за нее «голосовали» 22%. Потеряли значимость и лозунги официальных реформаторов последнего времени: уже к концу прошлого года их поддерживало порядка 7—10% населения, тогда как вдвое больше считало «перестройку» прикрытием борьбы за власть в верхах, а еще вдвое больше — затруднились с ответом на вопрос, что называть этим словом. С двух третей до менее чем двух пятых (39,5%) сократилась и группа видящих в Ленине центральную фигуру XX века.

Третий момент — формирование новых центров силы и авторитета при всей противоречивости и неокончательности этого процесса на нынешний день. На уровне властеосуществляющих структур это относится к руководству суверенных республик, их лидерам, законодательным и исполнительным органам. Лишь эта, чаще всего избранная народом власть пользуется сейчас кредитом доверия — при известном дефиците механизмов собственно власти. На уровне социальных движений речь может идти сегодня уже о переходе со стадии массовой мобилизации вокруг демократических ценностей (эпоха печатного бума) к массовой организации и коллективному действию. Это относится к «Демократической России» и сходным феноменам в ряде республик (двумя годами раньше эту фазу прошли народные фронты в Прибалтике), к независимому рабочему движению, отчасти — к начаткам студенческой самоорганизации. Важно отметить эти процессы и явления в нашем случае потому, что они выступают как бы социальными рамками, в которых складываются, развиваются и усваиваются новые представления и оценки настоящего, прошлого и будущего, вырабатываются иные критерии должного и неприемлемого.

И наконец, как итог всех трех перечисленных моментов, из-под осыпавшегося парадного глянца остро и даже жестко проступает сейчас все та же ключевая проблематика, которая семь десятилетий назад привела к революции и оказалась (в который раз!) похоронена ею. Коротко говоря, это демократическая власть, неприкосновенная собственность и неотчуждаемые права самостоятельного и самоответственного человека. Именно эти проблемы находят сегодня трудное, часто кровавое разрешение в конфликтах прежнего и новых центров, в столкновении навыков зависимости и иждивенчества — с этикой риска, труда и успеха, барьеров анонимной номенклатуры — со взлетом несанкционированных лидеров, структур распределения и контроля — с силами поиска и инициативы и так далее. В этом, как и в прослеженных узлах предпочтений и антипатий, страхов и надежд, все еще видны следы воздействия сил, многие годы кроивших самодеятельное общество по государственной болванке и формировавших нашу несмелую и примитивную социальную жизнь.

А пока это так, революция, увы, опять не закончена. Не решены коренные проблемы нашей вновь и вновь не удающейся модернизации. Не развеяны могучие иллюзии слабых и притерпевшихся. Не пришли в равновесие столкнутые тогда, лишенные места и традиций массы. Недостаточно еще наработанных способов опосредовать и примирять те противоречия в социальном положении и признании, укладах жизни, уровнях цивилизованности людей и групп, напряженностью которых манипулирует дряхлеющий центр и рвутся воспользоваться молодые крайние силы. Травма рождения начатков гражданского общества из тоталитарного государства послушных оказалась глубока и раз за разом воспроизводится снова. Рассчитывать на многолетний процесс постепенного укладывания перевернувшихся пластов большинство не хочет, не может, и кто бы после стольких лет ожиданий и жертв счел себя вправе этого потребовать? О безболезненности же резкого перехода думать, опять-таки, не приходится. Впрочем, и остановиться тоже нельзя, поскольку возвращаться, похоже, некуда. Пусть помогут нам трезвая мысль и бодрствующая воля. За них в полном ответе каждый.

Вениамин Смехов

ВСТРЕЧНЫЙ АБСУРД

Драма в трех актах с прологом и альтернативой

ПРОЛОГ

Мы проиграли, нас победили. Кто победитель? Абсурд. Одна шестая часть суши рванулась далеко вперед — к идеалам справедливости. Эксперимент завершился победой абсурда: мы вырвались далеко назад. И на заду жарко фосфоресцируют лозунги Планового Хозяйства. Мы проиграли, но мы не сдаемся. Кричали семь десятилетий: «Да здравствует советский народ — строитель коммунизма». То есть: «Да здравствуем мы, самые лучшие — у нас». Абсурд. Теперь кричим: «Да сгинут Коммунизм, Госплан и партаппарат! Да здравствуем мы — самые худшие из всех!» Абсурд. По плану — «Страна мечтателей, страна героев». По встречному плану — «Страна читателей, страна изгоев».

Если прогнать на экране хронику съездов и верховных речей, если при этом вырубить звук — что выйдет? 20-е годы. Режут воздух кулаками, уверенно орут на врагов крепкие, сытые, главные вожди, а под ними — кровь, разруха, митинги, братоубийство. 30—40-е годы. Режут воздух, уверенно орут новые крепкие, новые сытые, новые главные, а под ними — демонстрации, голод, страх, магаданщина. 50—60-е. Кулаки, поднятые над трибунами, уверенные крики новых вождей, а под ними — тоскливые глаза, голодные рты и звонкие песни комсомольцев. 70—80-е. Опять новые лица, снова уверенные речи крепких и сытых, а под ними — военный парад и болото серой жизни...

Помирают прежние вожди, их поминают злом или молчанкой, а хроника немых кадров лепит и лепит близнецов-братьев. Крепкие, сытые, уверенные, не желающие знать ничего про людские беды, ничего про завтрашние проклятья... Абсурд. Нельзя читать вчерашние газеты, невозможно видеть прежние фильмы; все, что уходит во вчера, попадает в гигантскую Комнату гомерического смеха; заветы Ленина, эссе Сталина, собрания сочинений Хрущева, Суслова, Ворошилова, Подгорного и примкнувшего к ним ширпотреба соратников...

Очереди в мавзолей, превышающие даже очереди за продуктами первой необходимости. Абсурд.

Армия молодцов, охраняющая смехотворных старцев из политбюро. Утечка талантов, утечка рыбы, утечка мозгов, утечка кислорода, утечка великого языка... Речь миллионов уже отшлифовалась под прессом полувека. Люди подражают своим пророкам. А пророки (вожди) давно уже говорят языком дефективных второгодников. Ленинская премия писателю Брежневу — это звездный час страны победившего абсурда. Поэты-осведомители, композитор-песенник — сотрудник Комитета Госбезопасности; актеры-чекисты, профессора-чекисты... Все. Ясно. С этим разобрались.

...В давнем прологе нашего трагического фарса — «С-С-С-Р» — сыграна мечта «от хорошего к еще лучшему»: от февраля — к октябрю 1917 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

В первом действии очень долго, со всеми деталями, по законам древнегреческого театра погибали все герои и мечты.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Во втором действии, в 1985 году, явилась надежда. Ее неумело подхватили слева, переругиваясь, «кто левее, кто более достоен ее нести». Ее умело перестроили справа, развенчав дилетантов-демократов и побренчав в городах кое-каким оружием партийного пользования. Однако силой чудес мы держимся! Табака не стало — держимся, водки не стало — держимся, хлеба не стало — держимся. Одеться не во что, ходить некуда, купить не на что, дышать нечем... Вот закалка в стране абсурда: н а с н е с т а л о, а м ы д е р ж и м с я!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

О третьем действии пусть сообщают пророки или «буржуазные советологи», или друзья народа с площади Дзержинского.

АЛЬТЕРНАТИВА

А мы — давайте обратимся к альтернативе? Этого добра — полон шарик земной. У «них» там вагон проблем, куча страстей и проклятых вопросов, но в чем альтернативность «ихняя»? Все «их» проблемы посвящены... Жизни. Несоветское человечество так ли, эдак ли, все годы шло одним путем: из темного леса к ясным полянам. Топтали одну тропу — ошибаясь, ушибаясь, поливая ее кровью и потом. Ну а мы, как известно, пошли Другим Путем. И конечно, пришли в Другое Место. В чем же разница? В нашем месте идет борьба за какую-то о с о б е н н у ю жизнь: за с ч а с т л и в у ю, за с а м у ю справедливую, за диктатуро-пролетарскую, за марксистско-ленинскую... То есть в наших местах идет борьба за Прилагательные. А в «ихних» — за Существительное. Скучно сказать, но «они» все это время... Просто Жили. И все споры их, и все страсти и мечты — посвящены Просто Жизни. Вот такая альтернатива.

О НАШЕЙ СМЕЛОСТИ

Конечно, мне легко это говорить. За такие речи уже... пока не сажают. Похожими текстами полны газеты и журналы эпохи разрешенной смелости.

Мне, допустим, не нравится злопыхательская статья талантливого журналиста, проливающего разрешенные помои на имя Николая Губенко. Я, допустим, и сам уверен, что эта роль (министра) у прекрасного актера — наихудшая. И я, допустим, отвечу на вопрос: «А ты бы сам на его месте?» так: «А я бы и не пошел на это место». Правда, мне его никто и не предложил бы. Так что нам легко говорить — и этому журналисту, и мне.

НАГЛЯДНЫЙ ПРИМЕР

Но до чего же нелегко на душе, когда смотришь (и радуешься) на «ихнюю» Просто Жизнь. И снова изумляешься на несоветских: наших вывозят ненаши! И снова щуришься на немцев: битый небитого везет... Встречный абсурд?

Вот вам для наглядности ближайший пример моего личного опыта.

На западе «Западной Германии» пригласили меня в город Мюнстер — заняться родным делом — стихи почитать. 21 апреля, в воскресенье утром. Старый замок, от которого вследствие бомбежки остался полукруг колонн, был обшит новыми стенами, и теперь там, по-нашему сказать, «кафе-клуб». На что же тратят свой любимый уик-энд эгоисты-буржуа? Куда спешат именитые отцы города и матери тоже? Что за причина так тесно заполнить круглый зал, где всюду — даже на балконе — столики, а в центре — рояль, и в разных точках зала — микрофоны? Два часа подряд здесь будут почтительно внимать композиции по стихам Сергея Есенина. Я читаю по-русски, господин Торвальд (актер и главреж здешнего театра) — по-немецки. Этюды Скрябина при этом блестяще исполняет немец Андреас, ученик ленинградки Аллы Блатовой, а московская флейта Наташи Пшеничниковой сыграет «вненациональную» сверхавангардную музыку русско-немецкой Ани Икрамовой.

Я читаю Есенина и не скрываю растущего изумления: где я? кто они? отчего так внимательны? Отвечает виновник концерта, шеф западногерманского радио (дирекция радиостанции — в Кельне, но филиал — в Мюнстере, а Мюнстер — побратим города Рязани): шеф побывал в Рязани и услышал про господина Есенина...

После концерта дамы и господа отведали блюда новой французской кухни (почему французской? Может быть, виновата Айседора Дункан, из-за которой Париж был пару лет побратимом села Константиново?). Но настоящий ответ я получил от своего друга-слависта, профессора Карла Аймермахера: это, мол, есть нормальная жизнь. И охота узнавать новое, и сочувствие к «побратимам», и наивная щедрость, и железный расчет, и страсть к музыке (стихи по-русски — это тоже музыка)... Словом, утренник Есенина для радио в сопровождении флейты, рояля и французской кулинарии — это, конечно, прихоть и, если угодно, ихний «встречный абсурд», но это еще и новый успех ненаших во славу наших. А я читал Есенина и изумлялся странности Просто Жизни...

ВТОРОЙ НАГЛЯДНЫЙ ПРИМЕР

Тем же воскресным днем мы отбывали с подругой жизни в Москву. Между побратимом Рязани и посадкой в родной неумытый вагон я еще отведал плодов «жизни без прилагательных».

Германия, город Аахен, а рядышком — игрушечный городок Ваальс, но это уже Голландия. Здесь живут мои друзья, ленинградские музыканты-эмигранты: Алла — пианистка и профессор консерватории в Дуйсбурге, Миша Блатов — скрипач и владелец картинной галереи. Пока правительство А. Собчака решало судьбу городского заголовка, Миша-патриот присвоил своей галерее имя «Санкт-Петербург». О чем и было объявлено в немецкой и голландской прессе.

Семья Блатовых из двух детей и четырех взрослых уехала из России одиннадцать лет назад, чтобы не погибнуть в «стране мечтателей, стране героев». По известной логике бытия эмигранты прописаны на Западе, но при этом душой продолжают жить в родном Ленинграде, ныне Sankt-Peterburg. У них свой мир, свой круг, своя личная музыка, а за окном — нормальная жизнь. Миша Блатов опередил не только Ленсовет в области «заголовка» к городу, он опережает парламенты европейских стран: семья Блатовых живет по законам Общеевропейского Дома.

16 марта сего года в первом этаже дома 8 по Бергстраат, что в городе Ваальсе, открылась галерея. Над окнами полощутся два флага — Германии и Голландии. На улице толпятся первые посетители, гости вернисажа. Среди них дети разных народов Европы. Выделяются: громадой роста и белой бородой Лев Копелев, донкихотской худобой и подвижностью Борис Биргер, мягкой респектабельностью Рене Бёлль, добродушием и улыбкой — Даниил Гранин...

По древнесоветской привычке думаешь (про Мишу): вот человек сопротивляется западной действительности, борется с жизнью, утверждает светлые идеалы дружбы и санкт-патриотизма... Ах эта пошлая привычка диктовать всем идти Другим Путем... Галерея же Михаила Блатова и ее молодой успех у европейцев разных стран — реальность нормальной жизни. И то, что скрипач «выложился» в любимом деле, и то, что «вложился» — нормально. И то, что немцы, русские, евреи, украинцы, голландцы, французы, латыши, поляки, бельгийцы (перечисляю по памяти) соединились в миниатюрном эрмитаже, полюбовались на первую коллекцию, подняли тост за нового «галериста», поговорили на разных языках и культурно разошлись по своим делам и к своим хобби — очень симпатично, потому что нормально. А городской музей по просьбе Блатова в качестве филиала галереи открыл на 40 дней свои двери выставке скульптур и литографий Вадима Сидура.

Как объявила русская журналистка, поэтесса Ирина Заборова из парижской «Русской мысли», это произошла 20-я, юбилейная выставка великого советского скульптора на несоветской земле.

Наших спасают н е н а ш и...

Значит, сегодня любой нормальный человек, ценитель прекрасного, может взять за трудовые деньги билет на поезд № 15 Москва — Аахен и через 36 часов посетить прелестный уголок Общеевропейского общежития — галерею Михаила Блатова. И, может быть, налюбовавшись мастерством художников, прицениться и приобрести одну из картин. И наверняка восхититься работами и добрососедством трех ярких российских имен: Вадим Сидур из подвала в Хамовниках (Москва), Борис Заборов с улицы Сурганова в Минске (ныне город Париж) и Борис Биргер с Девятой Парковой в Москве (сейчас город Бонн).

ЭПИЛОГ

Я уезжаю из нормальной жизни в «прилагательную» — домой, на Таганку, в театр, где почти так же грустно, как в последней строфе Сергея Есенина: «До свиданья, друг мой, без руки и слова // Не грусти и не печаль бровей. // В этой жизни...»

В этой жизни, накануне третьего акта трагического фарса «С-С-С-Р» надо обязательно поехать в Перово, навестить потрясающее собрание скульптур и картин Вадима Сидура. Собрание сделано вопреки партии, правительству и министерству культуры; собрание принадлежит районным энтузиастам и добрым рукам родных и друзей покойного Художника. Однажды, в самом начале пути, выставку В. Сидура резко захлопнули, но потом заботами друзей и силой чудес она ожила. Кстати, захлопнули ее как раз в момент свержения Бориса Ельцина с трона города Москвы. Наши гробят наших... И никакой иностранец не поймет, что между запретами Ельцина и Сидура была прямая причинно-следственная связь для страны победившего Абсурда. Мир — народам, а власть — Запретам...

Таллинн — Москва, апрель — май 1991

Леонид Радзиховский

СОВЕТСКИЙ ПИНОЧЕТ: ПЕРВАЯ ПРИМЕРКА

«Берия вышел из доверия,
а товарищ Маленков
надавал ему пинков».

Из фольклора 50-х

«Известия ЦК КПСС» в первых двух номерах за этот год напечатали полный стенографический отчет пленума ЦК КПСС 2—7 июля 1953 года (начиная с шапки «Строго секретно. Снятие копий воспрещается. Подлежит возврату в Канцелярию Президиума ЦК КПСС»).

26 июня на заседании Президиума ЦК КПСС (протокол которого, увы, отсутствует), «человек № 2», а вернее, «человек № 1,5», Маршал Советского Союза, Герой Социалистического труда, первый зампред Совета Министров СССР, министр внутренних дел, член Президиума ЦК КПСС, председатель Специального комитета Совмина СССР (соответствует современной Военно-промышленной комиссии, руководящей всем военно-промышленным комплексом) и прочая, и прочая был арестован. 29 июня Президиум ЦК КПСС принял постановление «Об организации следствия по делу о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия», 2—7 июля собирают Пленум, чтобы (партийный Устав есть Устав!) оформить все это дело, исключить Берию из родной партии и дать санкцию на передачу дела в трибунал. Наконец, 10 июля советские люди в газетах прочитали обо всей этой истории.

Господи, кого — кроме историков, конечно,— сегодня все это может интересовать? Прошли 1987—1989 годы, когда сенсационные публикации про Сталина и Берию, Ленина и Троцкого, глотались как горячие пирожки. Нынче, когда кроме газет жевать скоро будет уже нечего, когда от цен глаза на лоб лезут, да и вообще скребется мысль — ух, и загремим же мы все под фанфары! — нынче читателю не до вас, Лаврентий Павлович. Вот если переведем дух, опять наденем суконные тапки, опять нальем пивка — ну, тогда поохаем над подвигами Берии и К°, вот тогда с удовольствием и почитаем.

Все это, несомненно, так. И все же, как видите, я пытаюсь «подбросить» читателю вот эти доисторические древности. Почему?

Банда

Во-первых, потому, что прочитав материалы пленума, я лишний раз поразился — какая же все-таки уголовная банда именовалась этим самым «Президиумом ЦК КПСС»! Не печатают, жаль, «протоколы» разборов на сходках «воров в законе». Но уверен — если положить эти протоколы рядом, и перевести с «фени» на партийный сленг (и обратно), то отличить кто есть кто будет просто невозможно. Хрущев: «Прощается он (Берия.— Л. Р.), руку жмет, я ему тоже отвечаю «горячим» пожатием: ну, думаю, подлец, последнее пожатие, завтра в 2 часа мы тебя подожмем. (Смех). Мы тебе не руку пожмем, а хвост подожмем». «Если бы мы уже сказали хоть немного раньше, что он негодяй, то я убежден, что он расправился бы с нами. Он это умеет... похоронит тебя, речь произнесет и табличку повесит: «Здесь покоится деятель партии и правительства», а потом скажет: «Дурак, покойся там».

Прелесть какая... Но это, в общем-то, довольно очевидно. Как очевидно и то, что перечисляя преступления «этого негодяя Берии», говорили и о его женщинах, и о его брошюре «К истории большевистских организаций в Закавказье», которую он, естественно, не писал, о многом говорили («машину зря гоняет казенную! — наябедничал кот, жуя гриб»), только об одном пустячке не помянули — про ГУЛАГ, про десятки миллионов зеков и миллионы убитых. Вернее, Хрущев эдак, по-деловому об этом: «Было много липовых, дутых дел, а заговоров никаких». Но это было так себе — мелкое замечание, что называется «лыко в строку». Что ж — «липовое дело» — дело житейское...

Кстати, абсолютно непонятно — «а был ли мальчик-то?». Может, никакого «заговора Берии» и не было? Скажем — не успел заговор сложиться. А пока — четыре крестных отца — Маленков, Берия, Хрущев, Булганин ходили себе под ручку друг с другом, круг за кругом, кто кого переходит. Мог быть тандем «Берия — Маленков» или «Берия — Хрущев». Тогда бы на пленуме обсуждался и, разумеется, столь же единодушно был бы решен вопрос «о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Маленкова (Хрущева)». И тогда уже не Хрущев о Берии, а Берия о Хрущеве восклицал бы: «Ух, какой это мерзавец!» и «Теперь, после очищения от этой мрази и изъятия... (имя врага вставьте сами.— Л. Р.) мы будем двигаться еще более уверенной и ускоренной поступью вперед к новым победам». (Аплодисменты.)

Да, механизм устранения Берии абсолютно нормальный, чисто мафиозный. Мафия тайно сговаривается за спиной одного из своих членов, которого она считает самым сильным и опасным, а затем его выталкивают из «семьи» и сжирают. Точно так было в 1923 году с Троцким, в 1964-м — с Хрущевым (более мелкие, частные случаи, скажем, с Вознесенским, Шелепиным и другими крестными отцами «второго гарнитура»). Это все — основа основ партийной этики и эстетики.

Куда интереснее вопрос, который кажется мне абсолютно сегодняшним и очень важным — как и к каким «новым победам» — повел бы нас товарищ Берия?

Дело вот в чем. С тех пор как 7 ноября 1917 года страна под руководством Ленина пошла «другим путем» — другим, чем «все остальное» человечество, советским руководством были сделаны, по большему счету, две попытки с этого пути свернуть. В 1921 году Ленин ввел нэп, в 1985-м Горбачев начал перестройку. Обе попытки столкнулись с неразрешимым вопросом о собственности. И в 21-м и в 85-м власть осталась у коммунистической номенклатуры, и она постепенно повернула на «новый путь», чтобы с большим зигзагом вернуться на тот самый, исходный октябрьский. Сейчас перестройка дрыгает ногами в последних судорогах. Причем, ситуация куда более опасная, чем в 29-ом, когда отвернули голову нэпу — тогда-то еще было куда идти, далеко еще не все изгадили. Сейчас же — пришли.

Ученые-политологи рассуждают об авторитарном правлении, но не хватает пустячка: авторитарного правителя. И все чаще с тоской говорят: нужен диктатор-антикоммунист, который, как в XVIII веке картошку, насадит в России рынок, действуя дубинкой а-ля Петр Великий, поднимет Россию на дыбы.

Вот этим Берия и интересен. Пиночет — был далеко, в Сантьяго. Лаврентий Павлович был в Москве. Мне кажется, что это был единственный за 70 лет реальный, не бумажный кандидат в Пиночеты. И в этом случае, арест Берии — куда более важное событие, чем снятие Хрущева.

В конце концов, Хрущев был просто кипучий Брежнев. Ему и в страшном сне не снилось покушаться на основы системы. Более того, он искренно любил эту систему. Берия, как мне кажется, произошел все-таки из другой породы обезьян. В каждой брани есть доля правды. Берия был большевиком по воле обстоятельств. Верно говорили соратники из Президиума ЦК КПСС: у него не было «коммунистических убеждений».

Нет, разумеется и почетный академик АН СССР Молотов так же «тонко» разбирался в английской политэкономии, немецкой классической философии, утопическом социализме — этих трех источниках марксизма, как и маршал Берия. Но, при всем том, у Хрущева и Молотова, у подавляющего большинства членов сталинского ЦК (даже у Суслова и Брежнева) были своеобразные убеждения. Бессмысленный набор слов, ритуальные заклинания «Краткого курса», лепет про «коммунизм — светлое будущее всего человечества» и прочие колебания молекул воздуха — вот их убеждения. То есть, носясь на сверхмощных черных машинах, говоря по вертушке, летая личными самолетами и живя на государственных «дачах», они считали, что все это опирается не только на штыки, но прежде всего — на слова, все это узаконивается тем, что они — жрецы передового (да еще и научного), общественного строя. Где там кончалось простейшее шкурничество и начиналась эта странная вера, где многолетний обман переходил в невольный (и тоже циничный и выгодный) самообман, сказать трудно. Но вся эта псевдомарксистская словесная лабуда в огромной мере определяла их жизнь, а значит и жизнь страны.

Берия в этом смысле, как мне кажется, сильно опережал свое время и своих соратников. Для них знамя — для него грязная половая тряпка; для них молитва — для него абракадабра; для них икона — для него черная треснувшая доска. Словом, этот «авантюрист и циник» был атеистом среди верующих. Атеистом в красной мантии кардинала!

Почему именно Берия был неверующим? И по личным качествам характера и потому еще, что он был профессионалом. У них — молотовых и хрущевых — была одна профессия: бессмысленные слова говорить. Ну, а он, напротив, человек со специальностью — убийца. Убивать-то и они убивали, да вот как... Разница очевидна: Берия лично, своей мозолистой рукой, застрелил первого секретаря ЦК КП Армении Ханджяна, а Маленков приехал из Москвы только бумажки подшивать, оформлять дело о том, что Ханджян, понятно, сам напал, а Лаврентий Павлович защищался и т. п. Баба, крыса канцелярская! Вот чем отличается «партийный мужчина» от «настоящего мужчины».

То, что Берия сам «лепил» дела, способствовало развитию у него какой-то крайней формы цинизма, где количество уже переходит в качество. Его цинизм был такого порядка, когда уже нет в душе щелочки для самообмана, для двоемыслия, хотя бы для какого-то подобия веры в «марксизм-сталинизм». Он сам, сам вот этими кулаками и сапогами у себя в кабинете месил и лепил всю эту премудрость, то, что войдет в новые учебники по истории КПСС и научному коммунизму. И чтобы он в это верил?! Ну, он же не сумасшедший и не алкоголик Ежов...

Так, по этим ли, по другим ли причинам, но Берия был абсолютно лишен марксистских мозолей. Он долго делал вид, что хромает как все, но ждал своего часа с великим нетерпением.

Он был осторожен, но после смерти Сталина это прорвалось. «Берия пренебрежительно сказал: «Что ЦК? Пусть Совмин все решает, а ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой»... Разве это марксистско-ленинский взгляд на партию? Разве так учили нас Ленин и Сталин относиться к партии?». В сущности, фраза Берии — да еще сказанная по какому-то частному поводу — вполне невинна. Но слишком напряженно приподняты уши у его слушателей: они не хуже Берии понимают, что реальная сила у него, они дико боятся, что он захочет их спихнуть и поставить МВД — МГБ над ЦК КПСС. Они этого ждут — и потому в этой фразе слышат приговор себе.

Приговор двойной. Кому-то — личный, но главное — приговор всей своей касте. Если прямо командует МГБ, то ЦК КПСС, партийная мафия не просто обречена на вторые роли — ее, скорее всего, вообще истребят. Тут жди «консенсуса» — с петлей и с крышкой гроба.

Что ж, при столкновении двух сил Берия, казалось бы, обречен на победу. («Свора псов, ты со стаей моей не вяжись. / В равной сваре за нами удача. / Волки мы! Хороша наша волчья жизнь. / Вы — собаки и смерть вам — собачья»). Однако с ним, как когда-то с Троцким, дурную шутку сыграла уверенность в победе, презрение к врагу. В некоторых схватках побеждает слабейший — тот, кто серьезнее относится к противнику, тот, кто больше боится, кто наносит удар первым. Победа «от страха» — типична для таких вот мафиозных схваток.

Капитализм

Отношения партии и госбезопасности — двух мафий — всегда были сложными. Преимущество-то было за гэбэ — она всегда сила, зачем ей партийные трепачи? А реально командовала КПСС. Как это достигалось? Во-первых, подбором кадров. Профессионалы редко командовали «органами». Из 17 вожаков госбезопасности, скажем, только 7 были профессиональными чекистами. В основном в верхних эшелонах тайной полиции действовали партийные функционеры, подбиравшиеся по принципу личных связей и преданности. Во-вторых, противовесом гэбэ была армия, а партия разделяла и властвовала, контролируя оба института. Правда, в 1937 году НКВД подмял под себя партию, но тогда все замыкалось на Верховном Пахане, который все же не рискнул почему-то вышвырнуть в мусорный ящик партию со всеми лениными и марксами. Впрочем, ясно почему. Не хотел оставаться один на один с чекистами, хотел иметь три опоры: НКВД, ВКП(б) и армию. Дело знал!..

Как бы то ни было, за органами всегда был нужен глаз да глаз. И после Берии постоянный контроль над ними составлял одну из вечных и главных тревог КПСС: Хрущев сделал председателем КГБ Серова — бывшего первого зама Берии, «сдавшего» шефа и... близкого родственника Хрущева! (Дочь Хрущева была замужем за сыном Серова, так что они были сватами.)

Но какое отношение вся эта ведомственно-мафиозная свара имеет к капитализму? При чем тут пиночетовский вариант?

Молотов заикался на пленуме ЦК: «Совершенно очевидно, что он (Берия.— Л. Р.) затаил план, направленный против строительства коммунизма в нашей стране, у него был другой курс — курс на капитализм. Ничего другого, кроме возврата к капитализму, не имел этот капитулянт-предатель...» Не знаю, верил ли сам Молотов в то, что говорил, но убежден: говорил он святую правду. В самую точку.

Большевистская революция застряла на полпути. Такая революция неизбежно должна была кончиться термидором — захватом победителями собственности в свои руки. Нэп дал идеальную возможность для термидора, о чем со злорадством писали меньшевики, с ужасом — Троцкий. Все ошиблись. Термидор произошел, но такой смятый, такой уб-

людочный, такой сталинский, что конфликт остался неразрешенным, только еще более запутался, загноился.

Какой конфликт?

Между собственностью и властью.

С лозунгом «грабь награбленное» большевистская олигархия захватила власть и собственность в стране. Точно по Марксу государство стало частной собственностью бюрократии-бандократии. Но свалить награбленное в «общак» — полдела. Дальше надо разделить. Грабь награбленное, а потом дели. Дели между новыми собственниками, коммунистическими бюрократами. Вот этим всегда, с первой секунды, была беременна советская власть. И эти роды (этот термидор) никак не могли состояться.

Капитализм — грабеж — дележ — неокапитализм — такой и только такой могла быть советская история, ее завершенный цикл. Его оборвал Сталин, маятник застрял в верхней точке, а вниз его не пускают, начались судороги и корчи, но натура-то своего все равно требует. Те, в чьих руках власть над собственностью, хотят собственности, своей, частной собственности! Они хотят инстинктивно, сознательно, прямо, косвенно, хотят стать собственниками. Желание это в природе человека, оно неодолимо. Это — внутреннее противоречие, раздирающее утробу партии. Мука недоношенного термидора...

Партия — последняя сила, способная четко и быстро провести капитализацию. Как ни смешно, а ее душит удавка «идеологии», над которой в саунах и «отдельных кабинетах» до колик регочут партийные функционеры. Регочут, а выпустить боятся. Но кто же, какой отряд бюрократии способен провести капитализацию, номенклатурную приватизацию, закончить то, что начал Великий Октябрь?

Ответ очевиден. Вооруженный отряд партии — чекисты. Расправившись с «партайгеноссе», т. Берия и его коллеги, выкинув марксистско-ленинский «пояс невинности», сделали бы то самое, что должно было произойти еще в 20-е годы. А именно — больше не насилуя свою человеческую природу, присоединили бы к власти собственность, разделили общую собственность номенклатуры между отдельными членами гэбэшной номенклатуры (или номенклатурными кланами). Это было абсолютно неизбежно, ибо дальше стоять на голове, поддерживать социалистический абсурд Берия бы не стал,— зачем? «Ничего другого, кроме возврата к капитализму, не имел этот капитулянт-предатель...» Браво, т. Молотов! Ничего другого не имела (и не имеет) человеческая натура, если снять марксистскую паранджу.

О, конечно, гэбэшно-номенклатурный капитализм — весьма специфичен. Это — государственный капитализм, грубо-хищнический, паразитический, абсолютно уголовный, колумбийский, да на русский манер, где закон — тайга, прокурор — медведь. Это мафия, захватившая всю экономику и орудующая в ней точно теми же методами, какими в Палермо действуют лишь в специальных отраслях — торговле наркотиками, живым товаром, оружием. У нас бы эти приемы пропитали всю экономику, хотя, разумеется, Берия старался бы «наводить порядок» известными ему методами...

Итак, второй 37-й год с полным истреблением партийной верхушки (заодно и интеллигенции, понятно), превращение министерств в концерны — государственно-частные и частные, ликвидация колхозов (зачем они нужны? для секретарей райкомов?), передача в частные руки мелких предприятий, магазинов и так далее. И все это под контролем гэбэшных чиновников и их окружения, которые бы, понятно, лучшие куски подгребли под себя. Вот примерно так мог бы выглядеть бериевский термидор экономически. Ну а политически — тут все понятно. Кожаные пальто, сапоги, низко надвинутые шляпы, звонок, дубинкой по голове коммунистическому (и демократическому) оппоненту и тащат как мешок вниз в огромный черный автомобиль.

И, глядишь, лет через сорок, сменив поколение-другое мы пришли бы уже к нормальному капитализму, пусть не швейцарскому, так хоть к испанскому, после Франко, хоть к чилийскому после Пиночета.

Берия — наше будущее!

Хоть этого и не случилось, но каким-то боком все же такие процессы при Брежневе, как известно, шли. Сколько не забивай траву асфальтом — в разломы вылезет. Какая-то часть номенклатурного капитализма, в теневой, а потому особо ублюдочной и мафиозной форме все же выросла. Жизнь — ее разве остановишь? Она и тлела, эта жизнь, в тени — в тени партийной идеологии.

Но сейчас, в годы перестройки, мы опять совсем близко подошли к возможному «бериевскому варианту». Исторический смысл перестройки ясен — последняя и, очевидно, наконец-то окончательная попытка термидора, реставрации капитализма. Все то же — номенклатурный капитализм. Он был задавлен партийными структурами при Брежневе. Сейчас эти структуры раскрошились, скреплявшая их идеология отдана в старушечий сундучок Нины Андреевой. Партия явно при последнем издыхании. А КГБ, напротив, жив-здоров. Благодаря краху партии, он наконец-то вышел из под ее контроля — в гораздо большей степени, чем при Берии. Закон о КГБ утверждает это положение, реально ликвидирует 6-ю статью конституции. И номенклатурный капитализм опять имеет шанс развернуться именно как гэбэшный капитализм в первую очередь. Все знают, что совместные предприятия, скажем, в основном наполнены людьми, связанными с КГБ или комсомольскими функционерами (тоже не чужими в этой конторе). КГБ сильнее развалившейся партии, не завязан на идеологию, зато контролирует все экономические ходы и выходы за рубеж, к конвертируемой валюте и имеет максимум информации по «теневой экономике». С такими картами можно играть!

Так что же, нас ожидает «бериевский капитализм», пришедший на смену «хрущевско-брежневскому социализму»?

Есть четыре «но».

Берия имел идеально отлаженную машину МГБ и военно-промышленного комплекса. Ясно, что сегодня разложение коснулось и этих структур.

Берия имел еще неплохую экономику. С 1953 года советская власть жила тем, что паразитировала на «папином» капитале. Ныне он протрачен до дна. Все размотано.

Берия имел перед собой двести миллионов, стоящих на коленях. Сегодня выходят 50 тысяч солдат, а толпа не боится.

Берия был цельным человеком. У него бы не дрогнула рука. «Когда я слышу слово «культура», я хватаюсь за пистолет...» Так вот — он даже не хватался. Он не слышал. Он мирно ел сырое мясо, понятия не имея, что бывает вареное. Нынче таких нет, а от частого повторения слова «плюрализм» лицевые мускулы вконец слабеют.

Итак, шансы реформатора бериевского плана сегодня куда ниже, чем в 53-м. С другой стороны, альтернативы таким реформам — если вспомнить историю России — что-то не видно. Только тот, у кого рука слабее, режет куда медленнее и мучительнее...

Ирина Ратушинская

НА МОЕЙ ПОЛОВИНЕ ВЕКА

Поэзия Ирины Ратушинской пока еще мало известна на ее Родине. Многие годы ее стихи ходили исключительно в списках, и хранение их считалось «уголовно наказуемым деянием».

Родилась Ирина Ратушинская в 1954 году в Одессе. Закончила там же физико-математический факультет университета. Работала в школе, откуда за участие в правозащитном движении была уволена с «волчьим билетом». В 1979-м вышла замуж и переехала в Киев; перебивалась случайными заработками, в основном репетиторством. В 1982 году была арестована по сфабрикованному обвинению. Власти не скрывали, что главной причиной ареста и неоправданно сурового приговора — 7 лет лагерей и 5 лет ссылки — являлось ее творчество.

Четыре с половиной года Ирина Ратушинская провела в лагере, повторив судьбу таких значительных поэтов-диссидентов, как Валентин Соколов («Зэка»), Геннадий Черепов, Иван Светличный, Василь Стус.

Лишь благодаря помощи друзей, активному вмешательству западных правозащитных и общественных организаций, а также деятелей культуры Ратушинская была освобождена досрочно. Свою роль в этом сыграла и начавшаяся тогда либерализация общественной жизни в СССР. Вскоре после освобождения в 1986 году Ирина Ратушинская уехала на лечение за границу и тут же была лишена гражданства. Оно было возвращено ей президентским указом лишь в августе прошлого года.

На Западе у Ирины Ратушинской вышло несколько мемуарных книг и поэтических сборников. В предисловии к одному из них Иосиф Бродский писал: «Ратушинская поэт чрезвычайно подлинный, поэт с безупречным слухом, равно отчетливо слышащий время историческое и абсолютное. Это поэт вполне состоявшийся, зрелый, со своим — пронзительным, но лишенным истеричности голосом... С чем другим, а с поэзией России в этом столетии повезло чрезвычайно. Стихи Ратушинской — только подтверждение, что — продолжает везти. Цена, однако, везения этого — страшная, что подтверждается ее судьбой».

В последние год-полтора в ряде советских изданий были напечатаны подборки стихов Ратушинской. Несколько стихотворений мы предлагаем сегодня читателям «Горизонта»: первые три перепечатываются из сборника, выпущенного чикагским издательством «Литературный курьер» в 1988 году, другие (в том числе перевод) печатаются впервые.

P. S. Исключительно для справки напомним, что впервые имя Ирины Ратушинской в советской печати со всеми достойными этого талантливого поэта и мужественной женщины словами появилось в нашем «Горизонте». Это было в марте 1989 года в очерке Раисы Орловой о Фазиле Искандере.

Е. Д.

* * *

Вот он над нами — их жертвенный плат,
Мазаный кровью.
Выйди пророчить мор и глад —
Никто и бровью...
Стоит ли спрашивать, что тебя ждет
На повороте?
Молча Кассандра чаю нальет,
Сядет напротив.
Молча постелет, заштопает рвань,
Кинет на кресле...
Молча разбудит в бездонную рань
И перекрестит.
Нет еще колера для твоего
Смертного флага.
Больно уж молод — да что ж, ничего!
Гож для ГУЛАГа.

ноябрь 1981

* * *

Моему незнакомому другу
Дэвиду Макголдену

Над моей половиной мира
Распускают хвосты кометы.
На моей половине века —
Мне в глаза — половина света.
На моей половине — ветер
И чумные пиры без меры.
Но прожектор по лицам светит
И стирает касанье смерти.
И отходит от нас безумье,
И проходят сквозь нас печали,
И стоим посредине судеб,
Упираясь в чуму плечами.
Мы задержим её собою,
Мы шагнем поперек кошмара.
Дальше нас не пойдет — не бойтесь
На другой половине шара!

26 февраля 1984
ЖХ—385/3-4. Малая зона

* * *

Время складками ложится
И стекает по плечам.
Слышно: площадь веселится —
Ожидают палача.
Пьяны люди, сыты кони —
То ли хохот, то ли пляс...
В каждом доме на иконе
Беспощадно смотрит Спас.
Кто там в сумерках кружится?
Погоди, еще светло!
Время петлями ложится.
Глядь — под горло подошло.

18 ноября 1986
Киев

* * *

Есть еще наглецы из числа недобитых,
Не ушедшие в землю, где травы — взасос...
Да за что же наносят такую обиду
Корневым вожделеньям родимых берез!
И смеются, и дышат, не чувствуя меры,
Над бестактной строкой протирая штаны.
Не хватает им, что ли, прекрасных примеров
Так удачно умерших талантов страны?
На посмертную корочку члена союза
Как им было бы лестно смотреть с высоты!
А они вместо этого балуют с музой,
Да терзают гитары, да портят холсты.
А спросите по чести, чего они ищут —
Так и сами не знают до белых волос...
До чего же без них недостаточно пищи
Для гражданского чувства газетных полос!
А они бестолковые свищут мотивы,
Биографии портят едой и питьем,
И живут, и живут... Если все будут живы —
То скажите на милость, куда мы придем?

Кем шпынять молодых возомнивших поэтов?
Чьими датами жизни тиранить ребят?
Вы дурили — ну ладно. Забудем про это,
Помирайте скорее, и всё вам простят!

21 февраля 1989

* * *

Гроза прошла, и дали вылет,
На этот раз в один конец —
В сей непросохший, как птенец,
Отмытый свет, где спросят: — Вы ли?
Была ль дорога вам легка
И нет ли на душе печали?
Какого цвета облака
С той стороны, где вы молчали?

12 мая 1989

* * *

Ты в первый раз влюблен,
Тебе пятнадцать лет,
И ты умнее всех, и благородней...
Ты в первый раз проснулся с криком «нет!»
И жмет в плечах привычное сегодня.
Княжонок, переросший свой удел,
Немилый сын в обтрепанных штанинах,
Смешной птенец, что из гнезда слетел
Под натиском кукушкиного сына!
Еще событье — двойка за урок,
Уже событье — девичья усмешка...
Нотации — не в страх, не в смех, не впрок.
Учителя! Не состоялась пешка!
Утрата! Созывайте педсовет!
Вы чуете — привычными ноздрями —
Еще одно безжалостное «нет»,
Сметающее напрочь — с октябрями,
Парадами, газетами, враньем —
И вас, таких умелых и трусливых.
Вам страшно, правда? Думали: добьем,
Чтобы как мы... А эти дурни живы!
Целуются, печалятся, поют —
По-варварски неловко, но без фальши.
О нет, не бойтесь.
Эти не убьют.
Им не до вас.
Им дальше. Дальше. Дальше.

18 августа 1989

* * *

Ну купите меня, купите!
Я такой хороший и рыжий!
Ну возьмите — и не любите,
Но внесите к себе под крышу!
Я вам буду ловить мышей,
И если отважусь — крыс.
Домовых прогоню взашей,
И приду на ваше «кис-кис».
Я буду вам песни петь,
Выгревая ваш ревматизм,
И на свечи ваши смотреть —
С подоконника, сверху вниз.
Заберите меня из клетки,
Я во все глаза вам кричу!
И не бойтесь нудной соседки:
Уж ее-то я приручу.
Откупите меня у смерти!
Ну кого вы еще откупите!
Вы вздыхаете, будто верите.
Сквозь решетку пальцем голубите,
Но уйдете, как все другие,
И не будет тепла и чуда.
О единственные!
Дорогие!
Заберите меня отсюда!

20 августа 1989

Из стихов Ивана Светличного

(с украинского)

ПОРЦИЯМИ

Не очень щедро, но и не скупо:
Не досыта, но еще и не смерть.
Порция хлеба, порция супа,
Порция воздуха... Больше не сметь!
На всё есть нормы. Всему есть меры.
Много ли, мало? Не в этом суть.
Порция чести, порция веры
И правда — порциями, как суп.
Отрежут пайку патриотизма
И нормативы прав и свобод:
Умеренно знать и любить отчизну,
А если позволят — и свой народ.

Леонид Жуховицкий

ВСЁ ПРИБЕДНЯЕМСЯ...

Шушенское, мемориал, кусок старой сибирской деревни. Просторные усадьбы, высокие дома из прочнейшей лиственницы — полтора века стоят, а на ветхость ни намека.

Крепко жили — куда там Смоленщине или Рязанщине.

Сибирь не знала крепостничества — может, в этом дело!

Рабство не только рождало экономическую отсталость, но и формировало психологию раба. Не решусь назвать ее рабской трусостью — уж скорей рабская мудрость. В любой момент могут унизить, придавить, просто ограбить, поэтому главное — не высовываться. Надежней всего прятаться в толпе: как все, так и я. Символ рабской мудрости — золотые червонцы, вмурованные в печь.

Когда-то историк Андрей Амальрик написал, что русское понятие о справедливости — чтобы никто не жил лучше, чем я. Страшноватое, и, увы, не беспочвенное умозаключение. Ведь и жестокое, сладострастно-мстительное раскулачивание даже целью не ставило поднять бедняка до кулака. Наоборот — вогнать, вмять кулака в бедность. Пусть знает!

Не потому ли доныне так невзрачны дома у многих далеко не бедных сельских людей!

Да и не только сельских.

Один горожанин, причем вовсе не вор, а напротив, лауреат разных премий, выстроил одноэтажную деревянную дачку: две комнатушки с верандочкой. Зато подвал отгрохал... Четыре покоя, зал с камином, сауна. И все под землей. Молодец, учел вековой опыт — не высунулся!

Впрочем, помимо векового опыта, у этого шахтера поневоле был и личный, недавний. Ведь еще при Никите Сергеевиче активисты на пенсии, «народные мстители», ходили по квартирам, требуя отчета за новый телевизор и зеркальный шкаф. Грязь, продавленные диваны, дети в лохмотьях вопросов не вызывали...

Не знаю, есть ли хоть в одном языке, кроме нашего, характерное словцо «прибедняться»...

Одно время я жил поблизости от бывшей сталинской дачи в Кунцеве. Случалось, гуляя по лесу, обходил вокруг нее — при быстром шаге это занимало минут сорок. И ни одна крыша не высовывалась из-за глухого шестиметрового забора. И сам забор не высовывался из окружающего леса. И шоссе к лесу вело такое, словно бы его и не было совсем.

Вот ведь как сумел прибедниться мудрейший всех времен и народов!

А на портретах изображался со скромненькой деревянной трубкой. И я, дурак, про эту плакатную трубку в семнадцать лет сочинял умиленные стишки.

Конечно, прав Островский: бедность не порок. Но вот бедность страны, бедность народа — разве не великий это порок государственной системы!

●

«МЫ ХОТИМ ОБЪЕДИНИТЬСЯ ВОКРУГ ИИСУСА ХРИСТА...»

В нашу эпоху расколов, в том числе и в духовной сфере, особый интерес вызывают те, кто осмеливается идти против течения, призывая к единству.

Декларируемый экуменизмом принцип единства церквей и верующих, объединяющий вокруг Иисуса Христа всех «людей доброй воли», вызывает у одних, видящих в идее национальной исключительности единственно возможный путь спасения, жгучую неприязнь, у других же не менее значительный интерес.

Предлагаемая вниманию читателей журнала беседа с христианским писателем и поэтом, руководителем московской группы христиан-экуменов «Ойкумена» САНДРОМ РИГОЙ, призвана расставить все точки над і в данном непростом вопросе. Ведет беседу Евгений Данилов.

— Сандр! Я познакомился с вами года два назад. В то время среди московских христианских инициатив ваша группа была одной из первых, вышедших из подполья и занимавших достаточно заметное место в религиозной жизни столицы.

Скажите для начала несколько слов о себе, о вашем приходе к христианскому деланию.

— Я родился в 1939 году в Риге. Учился в художественном училище, закончить которое мне по ряду причин так и не пришлось. С 25 лет я живу в Москве.

— Семья была верующей?

— Нет. Хотя крещен я был во младенчестве, активный мой приход к христианству состоялся уже в 1960-е годы.

Мои духовные поиски мало-помалу привели меня к идее экуменизма. Я прошел большую жизненную школу и к Богу пришел благодаря искусству, изучая жизненный путь многих выдающихся людей. Господь всегда посылает свою помощь человеку, дает ему призвание. Откликнувшись на это призвание, явленное и мне, я стал искать близких мне по духу братьев и сестер, посещать церкви разных конфессий. И мне была дана большая радость узнать, что есть истинные христиане, что вера в душах людских не умерла, что Господь жив.

Меня очень смущала и тяготила раздробленность церкви, ибо в то время, когда мы говорили о любви, церкви, исповедующие единого Бога были расколоты. Я начал внимательно читать Евангелие и понял, что в истории церкви случился какой-то раскол, случились беда и нестроение, прежде всего по человеческой слабости и греховности. И многое для меня стало на свои места.

Так Бог привел меня к пониманию того, что эту раздробленность необходимо преодолеть.

— Когда и как сложилась ваша группа?

— Она складывалась постепенно.

С осени 1971 года мы стали собираться постоянно, на квартирах, нелегально, разумеется.

Эти общения продолжаются и по сегодняшний день. Конечно, численность «Ойкумены» сегодня многократно возросла и насчитывает уже не 9 человек как когда-то, а сотни людей.

— К вам приходят представители самых разных конфессий, и вы от них не требуете, чтобы они оставили свою Церковь!

— Да. Мы не стремимся подменять собою Церковь и не стремимся стать источником раскола. С 1971 года мы осознаем себя духовным братством, сообществом здравомыслящих христиан, и начали издавать журнал «Призыв», в котором излагается наше credo, наш взгляд на мир.

«Призыв» является одним из самых старых самиздатовских журналов, выходящих в СССР. Он выходит до сих пор. Старше его только «Хроника текущих событий», которую продолжает в сильно измененном виде «Экспресс-хроника». Я не гонюсь за приоритетом, но факт остается фактом.

— Вы также издаете литературный журнал «Чаша»...

— Да. «Призыв» является философско-религиозным журналом, излагающим наши принципы и богословские вопросы.

Уже после моего освобождения у нас появилось творческое объединение, в которое входят писатели, поэты, музыканты. И возникла необходимость в таком журнале как «Чаша». Этот журнал, кстати, стал более популярным чем «Призыв». Может быть, это связано с тем, что «Чаша» ориентирована на более широкую читательскую аудиторию.

— В экуменизме, как, впрочем, и вообще в христианстве, творчество является не самоцелью, не средством самовыражения, а путем Богопознания!

— Да. Если можно так сказать, мы стремимся к искусству жизни. Христианство, на наш взгляд, есть искусство жить в мире и умирать.

— Рождаясь в то же самое время для Жизни Новой...

— Да. Мы прекрасно понимаем, что великие произведения поэтов, скульпторов, художников имеют не самодовлеющую ценность, о чем многие современные люди забывают.

Но для меня и моих друзей очень важна также и личность самого художника. Художник всегда как бы незримо связан со своим произведением, и если отбрасывают его самого как личность, страдает и произведение. Ведь он говорит через это произведение и общается с Создателем всего сущего.

Создавая свое произведение, художник воспитывает и себя. В этом и есть самосовершенствование. А также смысл искусства. Для нас произведение искусства, каким бы прекрасным оно не было, является средством. Средством взаимного общения прежде всего. Поиском взаимности и самосовершенствования...

— И поиском Абсолюта...

— Да.

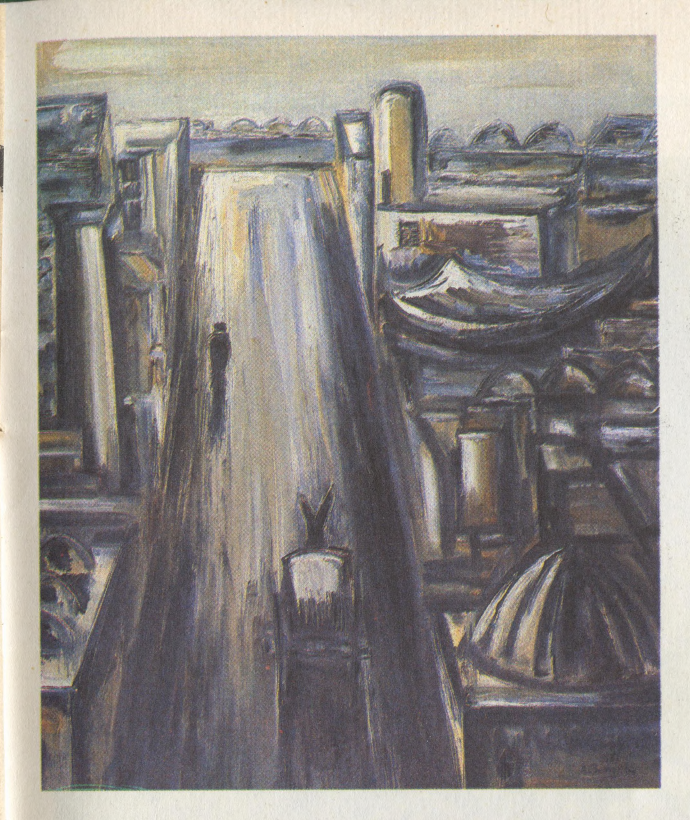
— Вы сами являетесь поэтом и прозаиком, печатаетесь на Западе, а последнее время и здесь.

— То, что я пишу, страшно важно для меня, и я не хотел бы быть просто писателем. Я прежде всего человек, описывающий в своих произведениях свой внутренний духовный опыт. Я написал всего несколько книг и не стремлюсь быть слишком плодовитым, желая достичь в своем творчестве большего совершенства. Ибо человеческие проявления обычно несовершенны и как алмаз нуждаются в огранке.

— В общем-то ваше литературное направление перекликается с творчеством писателей-мистиков — Бёме, Сведенборга, Даниила Андреева, епископа Беркли, Бергсона и других.

У вас есть предшественники, достаточно заметные, и в России начала этого века...

— Да. Но мистический опыт очень индивидуален, он интимен и таинствен. И конечно, трудно говорить о приоритете.

Дорога

Везут невесту

В последний путь

Для меня главным учителем в этой области является Иисус Христос. Хотя он сам ничего не писал.

— Вообще, духовный опыт невозможно передать адекватно в земных реалиях, языком мистики является символ, и первоначальная задача мистического писателя заключается как правило в создании своего языка и своей системы понятий. Даниил Андреев изобретал даже новые слова. А для читателя главная трудность — в понимании непростых смыслов и значений, скрытых за этими символами...

Во времена черненковско-андроповских гонений против христианства (смею надеяться, что последних, хотя Апокалипсис говорит нам об ином) были гонения и конкретно против вас. Вы были «узником совести». Скажите, с чего все началось и как преломилось в вашей судьбе?

— Видимо, это неизбежно, и когда человек борется за что-то новое, чему он решает посвятить свою жизнь, это новое встречает противодействие.

Мы ведь никогда не занимались политикой, никого не критиковали из власть имущих...

— Дело, очевидно, прежде всего в том, что христианство в основах своих принципиально противоположно большевизму, являющемуся его искажением...

И то, что большевизм в России на сегодняшнем этапе пытается заключить союз с Церковью, чтобы удержаться у власти (а Церковь берет на себя грех сергианства, грех союза с богоборческим режимом, стремясь стать государственной Церковью), не что иное как исторический нонсенс...

— Получилось так, что нас выследили уже на второй год нашего существования.

В 1972 году, в Таллинне, меня задержали впервые, ненадолго арестовали, изъяв после обыска номера «Призыва» и другую литературу. После этого меня несколько раз вызывали, уже в Москве...

— В КГБ?

— В милицию, под разными предлогами приходили ко мне домой, но ясно было «кто есть кто» и откуда ветер дует.

Позже, в 1979 году, уже с более серьезными последствиями для меня, задержали в поезде во время моей поездки из Житомира во Львов...

При мне были свежие номера «Призыва», о чем они знали.

— В то время у вашей группы были уже связи с западными экуменами?

— Да.

— Видимо, это тоже вызывало сильное раздражение у власти, стремящейся к полному контролю над душами своих подданных...

— Конечно. В тот раз меня задержали, сняв с поезда. Вскоре я по ряду признаков понял, что за мной идет интенсивная слежка. Закончилась она в июле 1984 года.

Сперва арестовали христианку из Житомира Софью Беляк, на компромисс она не пошла, получила 5 лет лагерей и вышла по так называемому «горбачевскому» помилованию в 1987 году.

Чуть позже отправили в спецпсихушку меня, арестовали и посадили еще двоих членов «Ойкумены», в том числе поэта Владимира Френкеля.

Я просидел 9 месяцев в Бутырской тюрьме и был направлен в Благовещенск — город, расположенный на границе с Китаем, город «тройной» секретности, в спецпсихбольницу.

Там я провел два с лишним года в полной изоляции, так как по-

пасть в этот город без специального разрешения было невозможно.

В палате рядом находились абсолютно невменяемые люди, от которых всегда можно было ожидать какой-либо агрессивной выходки.

— Кроме вас в больнице были политзэки, посаженные под видом больных?

— Да. Кроме меня сидело еще как минимум девять человек. Все мы там сидели с придуманным кагэбэшным профессором Снежневским диагнозом «вялотекущей шизофрении», на Западе не признаваемым.

— Врачи кололи вам лекарства, стремясь на самом деле превратить в шизофреника?

— Да. Я прошел курс сульфазина, от чего у меня случился сердечный приступ. Мне также кололи лекарства, парализующие волю, ломающие тело, вызывающие эффект, сходный с «ломкой» наркомана. И все это продолжалось месяцами, причем курс лечения постоянно менялся.

В результате всего этого я несколько десятков раз был в состоянии клинической смерти. Спасло меня лишь чудо и помощь Божья.

— Но врачи прекрасно знали, что вы здоровы?

— Был диагноз «вялотекущая шизофрения», и насколько врачи сомневались в правомочности применения этого диагноза, мне трудно сказать. Просто у этих людей «двойная» совесть. Одна для дома, для семьи, а другая на службе. И если сверху, из Москвы, приходит бумага с требованием применять к такому-то больному активную химиотерапию, они действуют в соответствии с бумагой.

Вообще же мое поведение было вполне нормальным и совершенно очевидно было, что я не нуждаюсь в таком интенсивном «лечении», даже если и можно было допустить наличие у меня шизофрении. Я не совершал никаких агрессивных поступков, весь курс «лечения» проводился неправомочно.

— В то время за вас вступились на Западе; я помню, как в некоторых религиозных передачах вас защищали, упоминая ваше имя среди других «узников совести».

— Да. Конечно. Я, правда, узнал об этом уже будучи переведен из спецпсихбольницы в обыкновенную психбольницу.

Ведь ежедневно приходили сотни писем в мою защиту, причем из самых разных, зачастую «экзотических» стран мира.

Хорошо было то, что, как, якобы, «психбольной», а не «политзэк», я был избавлен от сомнительного удовольствия писать прошение о помиловании.

— Которое, впрочем, написали, несмотря на давление ГБ, далеко не все политзэки: Ирина Ратушинская, скажем, не написала...

— Я скорей всего тоже не написал бы. Хотя как знать.

Очень мило и трогательно было узнать о выступлениях в мою защиту. Было очень важно, что за меня вступались не только простые люди, но и такие значительные силы как Ватикан, Маргарэт Тэтчер, разные христианские движения типа «Communione et liberatione» в Италии или «Кёрстен Колледж».

Потому что наши власти следят за общественным мнением Запада.

— Безусловно. И на статейку в какой-нибудь малотиражной парижской газете они реагируют в куда большей степени, чем на все протесты в СССР.

Скажите, что вы вкладываете в само понятие «экуменизм» и каково ваше отношение к повсюду декларируемому Московской Патриархией (которая, как известно, с начала 1960-х годов входит в международную экуменическую организацию — «Всемирный Совет Церквей»), «экуменизму»?

— Главный смысл экуменизма состоит в том, чтобы молиться о спасении всех, о спасении всего человечества. Это очень важно, потому что мы чувствуем расколотость Церкви, которая в глубинном смысле является мистическим Телом Христовым.

Второй момент, принципиально важный для нашего движения, наряду с молитвой за всех,— это молитва за каждого. Каждый экумен, каждый член нашей общины осознает свою личную ответственность за судьбу мира. Ведь, скажем, в «Новом Завете» ничего не говорится о жречестве.

Существует принцип всеобщего священства, и мы хотели бы, чтобы каждый член экумены нес свою ответственность перед Богом и чтобы он был проповедником.

— В ваше движение входят представители разных конфессий, и вы не стремитесь подменять собой Церковь. Ваши общения как бы продолжают и реализуют приходскую жизнь, которая как явление почти была уничтожена за 73 года существования большевистской утопии. И вы восполняете этот пробел?

— Да. Для нас крайне важно, чтобы обряды переживались как таинства, а не как что-то застывшее.

— Вы стремитесь вскрыть изначальный смысл обряда, часто искаженный более поздними наслоениями?

— Да. Мы достаточно глубоко изучаем Писание. Если вы читали «Призыв», то могли заметить, что богословие в нем стоит на должном уровне. Мы хотели бы, чтобы Церковь вновь стала местом таинства, местом вхождения человека в Горний мир и соединения его воли с волей Божией.

Поэтому мы так стремимся вскрыть глубинное содержание обряда.

— Как бы вернув его к благодати Духа Святого... Но все же каково ваше отношение к экуменизму Московской Патриархии?

— То, что делает Московская Патриархия,— видимо, важно и хорошо. Плохо лишь то, что она присоединяет к экуменизму чисто политическую деятельность.

— Борьба за мир...

— Само по себе все это замечательно...

— Да. Но не тогда, когда шла захватническая война в Афганистане, которую Церковь не осудила. Лилась кровь ни в чем не повинных людей, а церковные иерархи ездили в то же самое время на Запад «бороться за мир во всем мире...» Все это отдает ханжеством...

— Да. И когда нынешний Патриарх призывает грузин не проливать кровь, ответное послание грузинского Патриарха центральная пресса не публикует. Одностороннее навязывание своей концепции, своих взглядов на мир, конечно же, с экуменизмом ничего общего не имеет. И мы, конечно, хотим, не бунтуя, не настраивая христиан против Патриархата, объединиться вокруг Иисуса Христа, божественную природу которого признают все верующие, независимо от конфессии, национальности и политических убеждений.

— Не просто декларировать экуменизм, а быть на этом поприще вполне последовательным...

— Да. Ведь то, что порой пишется в «Журнале Московской Патриархии» теоретически вполне правильно, но когда мы смотрим на это в реальном контексте, на воплощение этих принципов в жизнь, то часто сталкиваемся с сознательным натравливанием одной части верующих на другую их часть.

— Отношение к униатам, ряду автокефальных церквей служит тому доказательством...

— И, естественно, нам чуждо это давнее стремление стать государственной религией. Стремление заключить союз с государством.

— Если бы еще с обычным государством, а то с антихристовой безбожной властью. Грех сергианства и соглашательства с Церкви до сих пор не снят.

— Да... Этот византийский принцип сам по себе порочен. Но все-таки в то время цари были христианами, а сегодня этот союз с государством просто принимает извращенные формы.

— Вы ездили в прошлом году в Рим, встречались там с Папой Римским. Расскажите о вашей поездке.

— Я был в Италии в течение 3-х месяцев, имел в июне аудиенцию у Римского Первосвященника. Конечно, это было большое событие в моей жизни. Я понимал, какая на мне лежала ответственность,— ведь это была первая встреча представителя русских экуменов с высокопоставленным представителем римско-католической Церкви. Я представлял экуменизм. Полагаю, что наша встреча — это благословение Римской Церкви на экуменическую деятельность католической части русских экуменов.

В СССР римско-католическая Церковь еще словно «приглядывается» к экуменизму, она словно бы еще не читала материалы II Ватиканского Собора. И некоторые иерархи католической Церкви относятся к нашей деятельности с большой долей настороженности. Но мы будем терпеливы в наших взаимоотношениях и с Русской Православной Церковью, и с католической.

Потому что в экуменизме тоже очень легко впасть в состояние самоправедности. Мы хотим служить Христу, а не вносить дух раскола в церковную жизнь других конфессий.

— Вы никого не осуждаете, вы просто делаете свое дело!

— Да. Девиз нашей общины «Милость и Истина». Этим все сказано. Мы любим и Патриарха, и всех других людей. И наше понимание Правды мы не собираемся никому навязывать насильственным путем.

— Кто из священников РПЦ более всего воспринял идеи экуменизма?

— Я могу сказать лишь о тех, кого я знал и знаю. Конечно, нас связывала большая дружба с покойным о. Александром Менем. Его духовные дети нередко участвовали в наших встречах, участвуют и теперь.

— Ведь многие не очень далекие люди как раз обвиняли его в излишней приверженности экуменизму, по неразумию своему не понимая того очевидного факта, что для России большевизм как одно из воплощений сатанизма в земной жизни в сто тысяч раз опаснее и страшнее, чем любая иная доктрина, тем более та, которая исповедует Христову Любовь...

— Да. Все так и было: о. Александр к тому же не скрывал своих убеждений. Хотя и пришел к ним не сразу...

— В его интервью, напечатанном в одном из последних номеров «Вестника РХД», говорится, что он приходил к идеям экуменизма в муках...

— В этом смысле нам, московским экуменам, было легче, потому что мы сразу восприняли экуменизм как свое кровное дело. А человеку, пришедшему сначала в определенную конфессию, в чем-то приходится быть революционером. Приходится ломать стереотипы. А это очень сложно.

Кроме о. Александра Меня, я могу назвать имя о. Александра Борисова, переводчика книг доктора Моуди.

С большой симпатией мы относимся к о. Марку Смирнову, который как журналист делает очень важное дело, рассеивая предубеждения и суеверия, существующие в отношении христианства в нашей стране. Есть и другие люди. Я назвал имена лишь наиболее известных священников.

— Что вы хотели бы пожелать верующим и неверующим читателям журнала?

— Читателям «Горизонта» — журнала, который ставит своей целью отстаивать Правду, я пожелал бы больше смелого мужественного служения Правде. И больше мужества и стойкости. Потому что сегодня идет интенсивная борьба за власть, за сферы влияния, за души людские. И мы все в этой борьбе как-то незаметно забыли о своем Призвании.

— Да, всем нам потребуются мужество и стойкость, и очень скоро.

Ольга Володеева

УРОК ЭСТЕТИКИ ПО ДОРОГЕ К РЫНКУ

(ОТВЕТ МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ)

В январском номере «Горизонта» за этот год был опубликован мой материал «Урок этики в темноте». Отдавая его в редакцию, я не рассчитывала, что он будет воспринят иначе, как просто эмоциональное выступление по совсем не новому вопросу. Речь шла о танках, о военизации нашей жизни и души... Увы, когда выходил первый номер журнала, танки двигались по Вильнюсу, раздались выстрелы в Риге... И уже не «танковая психология», а эхо гражданской войны звучало у нас в ушах.

В те экстремальные дни, как и весь год, я вела уроки эстетики в одном из московских ПТУ. Среди откликов на «Урок этики...» мне особенно важным показалось письмо, которое пришло из Подмосковья. Приведу его полностью:

«Ольга Володеева рассказывает о любви при свете. Кто военизирует наше мышление? Наша идеология? Ерунда. Вы, Ольга, впали в забывчивость. Вспомните, кем, где и когда издано постановление о запрещении военной пропаганды? Нашим правительством, у нас, в СССР, в шестидесятые годы. С другой стороны, кто, где, с каких пор торгует оружием с частных прилавков, газовыми баллончиками с ОВ и так далее? Одним словом, налицо целая работающая потоком индустрия насилия.

Не говорю о детских игрушках — точных копиях настоящего оружия. Игрушках стреляющих, строчащих, извергающих огонь и своей имитационной похожестью повергающих людей в ужас...

Об этике в темноте. Почему учебный класс захотел слушать вашу лекцию о «любви» в темноте? Совсем не для того, чтобы смаковать «клубничку». Просто молодежь не хотела выносить интим на свет. Стеснялась.

Вы же это сделали, да еще дверь открыли. Вы и Вам подобные в последние годы широко развернули «просветительскую кампанию» такого рода. Вы, раскрепощенные и свободные, живописуете молодым людям сексуальную тематику при свете, принародно. Вот откуда то, что наши улицы украшают голые женщины в зовущих позах, наши фильмы в ярких движениях демонстрируют «акты», наши книги вопиют: «Возьми меня, мой читатель. Я профессионально поведаю тебе неземную страсть близости с причудами и отклонениями».

Вот результат ваших лекций о любви, эротике и сексе при свете. Данной тематике плюс лжи, домыслам, пальцесосанию ваше издательство открывает широкий «горизонт» во всех областях жизни.

P. S. Случайно прочитал отдельные статейки в «Горизонте» № 1 за 1991 год, в том числе и вашу. Вот такую реакцию вызвали они у меня. Да, еще! Я пошел мыть руки.

Подмосковье, Андреевка. И. Соколов».

Не стану отправдываться перед читателем за слова и мысли, каких в моем материале не было. Здесь налицо парадокс нашего времени: мы говорим об одном и том

же, но при этом как бы спорим. Это, что ли, плюрализм! Что же касается «Горизонта», я думаю, этот журнал не рассчитан на случайное прочтение во время «тусовок» в очереди или на бегу. «Горизонт» — для думающих людей. Не хочу обидеть читателя тем более, что посчитала его человеком умным. Просто многое нас сейчас раздражает, слишком многое, а чтобы думать, нужны минуты равновесия.

Уважаемый И. СОКОЛОВ!

Извините, не знаю вашего имени-отчества, поэтому обращаюсь к вам официально. Мыть руки полезно. Умывать — страшно. Надеюсь, вы из тех людей, которые именно моют, а не умывают руки в сложных ситуациях. Спасибо за письмо. Я поняла, прочитав его, что просто обязана сказать нечто уже не о том, что было давно. А о дне сегодняшнем.

Первого сентября в одной из новых групп перед уроком эстетики я спросила: «Как вы понимаете слово «эстетика»! Один парень не задумываясь, ответил: «Это отличие эротики от порнографии». Так что, уверяю вас, уважаемый И. Соколов, в «лекциях», про которые вы пишете, надобности нет. Наши дети умнее нас. И проблема совсем не в «лекциях». Да я и не считаю себя вправе читать «лекции» на самую пикантную тему, а иллюстрации — те, что на улице, вызывают у меня ту же реакцию, что и у вас. Но нам во всем этом кошмаре нужно научиться друг с другом говорить и при этом друг друга слышать. Кстати, само понятие «лекция» почти что ушло в небытие. Гуманитарный предмет сегодня — это диалог с небольшими отступлениями, когда нужно рассказать о слишком конкретных фактах (это скорее относится к истории). В ином случае лекция воспринимается как демагогия. Я не хочу опорочить нашу педагогику, которая дала миру много прекрасных имен. Момент такой, понимаете! Мы учимся друг друга слышать. И то, что я расскажу сейчас,— это все сегодняшнее, выстраданное, и не в одиночку, а вместе с ненужными нашему обществу подростками. Их жизнь я знаю не как надзиратель, а как рядовой, затюканный жизнью — не детьми! — преподаватель.

Попробуем друг друга понять.

О. В.

«НЕ НУЖНА ЭСТЕТИКА! ДАЙТЕ КУРЕВА И КОЛБАСЫ!» Однажды случилась у меня на уроке забастовка. Произошло это осенью, когда наши мысли еще не были так отягощены политикой. И бастующие предъявили сугубо экономические требования: «Есть хотим!» И вообще, какая может быть эстетика, когда курить нечего и хочется колбасы! Если бы мы жили в деревне, мы бы выход нашли: собрали бы грибы, сварили суп, а тут...

Восемнадцатилетние парни хотят есть... Это было предвестием страшной зимы.

Это событие заставило меня «перелопатить» всю нашу школьную программу, задуманную умными людьми в недолгие дни правления К. У. Черненко. С тех пор разве что мир не перевернулся, а школьная программа осталась та же. И мы составили свою учебную программу — на один год! И начали с того, что попытались найти точки соприкосновения проблем эстетики и экономики. Мы писали эту программу прямо на уроках. И вместе с нею создавали Кодекс чести и достоинства... Я своим ученикам безмерно признательна. И за то, что они заставили меня перелистать триста книг, и переоценить ситуацию, и научиться чувствовать ее заранее.

Прошло месяца три, и тот «бунт» показался милой сказкой на фоне всего, что подарила нам зима.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ТЕМНОМ ВАГОНЕ. Накануне Нового года я провела блиц-опрос: «Как ты хочешь провести каникулы!» Бо́льшая часть пятнадцатилетних парней ответила: пойти в Музей Вооруженных Сил, в Оружейную палату и мавзолей... Опять оружие и какая-то великая идея — рядом... Опять эта тайна подростка Смутного времени. Я не против всех этих походов. Но существует ли для ребят что-то еще!

Однажды отправились мы на выставку. Едва остановился поезд метро, мои ученики вихрем влетели в темный вагон. Включили магнитофон, и так мы ехали в темноте. Рядом мигали огни на путях — совсем как на железной дороге. И звучала рок-музыка. Кто-то сказал: «Светомузыка». И двухкилометровый перегон между двумя станциями в темноте показался огромной железной дорогой, а время — спрессованной вечностью. «Почему вы любите темные вагоны!» — спросила я ребят потом.— «Так интереснее. Нам же скучно...» Вот вам и разгадка нашей преступности по части «мелкие хулиганства». Но ведь всё в жизни начинается с мелкого. Эти парни — романтики, в отличие от предыдущего поколения. Но как легко на наших глазах они могут стать циниками!

ПОРНОГРАФ. Иначе это называется «накнижная живопись». Ну, вроде как наскальная была у первобытных людей. Что за рисунки! Это пошлая атрибутика, в которой в общем-то не нуждались иллюстрации учебника. И балеринам, и политическим деятелям, и женщинам, работающим в поле, даже мадоннам с картин Леонардо — всем подрисовано примерно одно и то же. Откуда, почему это! Может, потому, что ребята не знают, не видели «таких» картин в музеях! Разрисовав учебник, они назвали его «Порнограф». Заниматься по этим учебникам, конечно, невозможно. Но что эти рисунки значат!

Этот вопрос требует серьезных раздумий.

«А ЧТО, СОКРАТ БЫЛ «ВРАГ НАРОДА»! Сократ был казнен. Его обвинили в растлении молодежи. Все это произошло давно и не у нас. Но сегодняшних парней интересует все. Сократ казнен... Один мальчик удивлен: «А что, Сократ был «враг народа»! Признаюсь, меня такие вопросы в жар бросают. По тому, какой задается вопрос, можно судить о потенциале молодежи, зажатой, но все же свободной.

Но, я думаю, ошибочно считать, что все наши ребята одинаково умны и нравственны. Расскажу один эпизод. Не помню, в связи с чем это было. Один парень сказал мне на уроке: «Мой дедушка вас бы расстрелял...» Почему я не придала значения этим словам! Наверное, потому, что говорившему было всего пятнадцать. С таким точно эпизодом пришлось столкнуться, когда училась я в университете. В одной со мной группе учился талантливый наглец, циничный до бесконечности. Как-то преподавательница сказала ему: «Не могу вам поставить удовлетворительную оценку. Приходите через месяц». А он в ответ: «Нет, вы мне поставите оценку, не то я пожалуюсь папе, и он вас снимет с работы». Преподавательница просто выгнала мерзавца. Почему же на своем уроке промолчала я! Превзойдет ли внук своего дедушку-палача! Вот о чем думаю, вспоминая этот эпизод.

«СКВОЗЬ СТРОЙ». Когда осенью на утренних уроках ребята заявляли, что они голодны, мы не знали, что самая «клубничка» еще впереди. Я имею ввиду «танковую» ситуацию в стране и «бэтээровскую» в Москве. В то время, как умные дяди и тети всё решали, голосовали поименно, их дети, а точнее внуки, вооружались. Заточками, ножами — чем угодно, забыв о законе и попросту наплевав на него, да и вовсе его не зная. Их тезис был прост: «Вот придут в Москву БТРы и патрули,— мы и вооружаемся. Нам же нужна самозащита». Заметьте, это говорили пятнадцатилетние. Еще не зная законов, они «ходили под законом». Вам это ничего не напоминает! Мне не хотелось бы проводить какие бы то ни было аналогии, особенно исторические, но жизнь сама предлагает ситуации для размышлений.

Один мой ученик получил срок «условно» за то, что кому-то поднес какую-то ворованную дрянь. Казалось бы, успокойся, сиди смирно в мастерских, не вылезай, а то, случись что, срок уже будет не условным. А он говорит мне: «Через месяц-два меня возьмут. Какой-нибудь подонок во дворе ударит — специально, чтобы я сдачи дал. Ему ничего, а меня закатают... Может, посоветуете обиду проглотить!» Потом этот парень ушел из ПТУ. Как у него судьба сложилась, не знаю.

Так где они, эти социальные гарантии!.. Взрослых мы можем призывать к разуму, к терпеливости, а что пятнадцатилетним делать! В ПТУ многие парни приходят с «тайным списком» похождений такого типа: «Замечен на сеновале с несовершеннолетней. Составлен протокол...» А он и сам-то несовершеннолетний. Не проучившись и месяца, такой молодой человек получает повестку в суд, а в училище «спускается» требование из правоохранительных органов — прислать характеристику ученика (которого училище еще толком не знает), характеристику его общественного воспитателя, то есть учителя или мастера (который должен своих детей забросить, чтобы в вечернее время, ничего за это не получая, проведать где-нибудь в подвале на окраине Москвы своего подопечного: как он там — пьяный или еще нет,— а в случае чего составить протокол, то есть донос). А мальчику просто деваться было некуда, вот он и бежит к другу, в подвал, или катается в темных вагонах электрички метро.

Как в этой ситуации удержать подростка, чтобы не взялся он за нож, пистолет, а в итоге не оказался в тюрьме! Тут уж о «чернухе» говорить приходится, а не о «порнухе». И — при свете, при открытых дверях.

...Улицы нашего города становятся день ото дня все краше: то нищие на каждом шагу, то молодые красивые ребята со щитами, или другие, посолиднее, с дубинками — тебе навстречу. 28 марта я случайно оказалась у Манежа и, проходя мимо грузовиков защитного цвета с солдатами в них, испытала страх. Мне казалось, что я прошла «сквозь строй». И страшно стало не за себя — за наших мальчишек. Неужели им всем так шагать — между дубинками и щитами! Федор Достоевский писал в 1873 году (за сто лет до рождения нынешних новобранцев): «Люди, люди... это самое главное... Людей ни на каком рынке не купить и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а опять-таки только веками выделываются; ну, а на века надо время, годков этак двадцать пять или тридцать, даже и у нас, где века давно ничего не стоят...»

С тех пор изменился человек. Сегодня мы пожинаем плоды великого коллективизма — прежде всего в педагогике. Когда в классе 40 ребят, учитель и голосов-то их различить не в состоянии. И матерям, истрепанным работой за гроши, своему любимому чаду и двух слов порой сказать некогда.

В школьной программе есть предмет «Основы права», его изучают пятнадцатилетние, а подростковые правонарушения совершаются обычно в еще более юном возрасте.

В ПТУ попадают, как правило, «трудные» ребята. Поэтому «пэтэушник» и сегодня для многих ярлык. Те, кто были «трудными» в школе и группировались в классе человека по три,— в ПТУ группируются уже по тридцать три... О какой социальной защите тут можно говорить! И не нужны слова вроде «неуправляемый». Эти ребята управляемы. Но только не все вместе.

Система профтехобразования в прошлом году отметила свое пятидесятилетие. ПТУ возникли в 1940-м. И тогда же часть детских учреждений, в которых содержались так называемые безнадзорные, была передана в ведение ГУЛАГа. В 1940-м эти парни

нужны были фронту и тылу. Сегодня в людском сознании ПТУ — часть общего ГУЛАГа, где выучивается будущая армия или же бесплатная рабочая сила. Либо они найдут себя под солнцем и будут нормально жить и зарабатывать, либо...

Неужели и сегодня, от Москвы до самых до окраин, ПТУ — это частица огромного ГУЛАГа, который в мировой экономике может быть назван как угодно — социализм, капитализм, бесхозяйственность или рынок!!

Люди вылепливались веками... Путь к человеку, как и путь к Храму, жертвен. Неужели судьбами наших подростков и дальше будет вымощена дорога к нашему рыночному раю! Как с правом человека на жизнь и процветание совместить наши же танки на улицах наших городов!..

Вот о чем думалось мне весь этот год, который прошел для меня как урок эстетики по дороге к рынку. Я все же оптимист. Становление человека длится веками. Значит, нам вместо денег где-то надо занять спокойствия и терпения на века...

Анатолий Мариенгоф

БРИТЫЙ ЧЕЛОВЕК

РОМАН *

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

1

Теперь все ясно. Хиромантией заниматься бессмысленно.

2

Я сижу в ванне и слышу через тонкую стенку, как хохочет моя жена. У меня мутнеют глаза. Я открываю кран, ошпариваю себя кипятком, засовываю голову в мыльную пенящуюся воду.

Моя жена хохочет, как рыжий в цирке. Я затыкаю уши красной резиновой губкой, вгрызаюсь зубами в мыло.

3

Она встречает меня улыбкой:

— Ну, бубочка, хорошо выкупался?

— Прекрасно.

— С легким паром, Мишка.

— Спасибо, Лео.

— А почему у тебя, бубочка, такая красная рожа?

— Я принял чересчур горячую ванну.

— С твоим сердцем, бубочка, это чистое сумасшествие.

— Зачем ты волнуешь свою жену?

— Он всегда меня волнует. Он ужасная дрянь.

4

Лео бреется перед зеркалом моей бритвой. Нина вышивает гладью целующихся голубков. Раздается четыре звонка.

— Это к нам. Бубочка, отопри.

Я только что растянулся на диване. Какое наслаждение после ванны полежать минут двадцать, не шевельнув пальцем. Но она меня пытает,— в ее распоряжении шотландский сапог, сжимающийся винтом, нюрнбергский валик, вырезывающий кожу полосками, богемские тиски для пальцев, дыба, облюбованная Малютой: когда в жаркий день я останавливаюсь у будки, чтобы выпить стакан ледяного нарзана, она говорит: «Миша, оставь мне глоточек», и я оставляю ей этот глоточек, хотя именно его мне и не хватает, чтобы утолить жажду. Я хочу эту каплю ледяной влаги, как бессмертия. Но я не сопротивляюсь: пусть пьет, все равно моя жизнь загублена, все равно она целый день поет романсы, перевирая слова, мотивы. Я умоляю: «Ниночка, ради всего святого «ночь, платформа, огоньки, дальняя дорога». «Знаю, знаю, не учи, пожалуйста.» И тянет свое: «В с е м а ф о р е о г о н ь к и, ж е л е - е - е з н а я д о р о г а...»

Я открываю дверь. Входит Лидочка — лучшая подруга моей жены. Лидочка на девятом месяце. Тем не менее ступает она легко, как паук по своей трепещущей паутинке.

Лео, намыливая подбородок, философствует:

— Я нахожу, что природа отнеслась несправедливо к нам, к мужчинам. Право же, я предпочел бы раза два-три в жизни родить, чем каждый день бриться.

Моя жена обнимает подругу:

— Ты к кому, солнышко, записалась?

— К Пигеру.

— Миленькая, да ведь у него на прошлой неделе целых две роженицы Богу душу отдали. Впрочем, миленькая, везде роженицы или умирают или калечатся.

Лидочкины глаза тонут в слезах.

5

Почтовое отделение помещается в первом этаже углового дома из бурого кирпича. Некоторые окна в доме занавешены, некоторые голые. Те, что освещены и без занавесок, кажутся бесстыдными. В окнах стоят эмалированные кастрюли, глиняные горшки, прикрытые тарелками, банки с солеными огурцами, пивные бутылки с зелеными туберкулезными шеями, консервные коробки, ожерелья из луковиц, кактусы с обломанными пальцами (соком кактусов москвичи лечат мозоли) и еще какие-то пыльные растения с бумажными розами. К форточным задвижкам привешены свертки. Из промокшей газетной бумаги выглядывают рыбьи хвосты и сырое мясо, выданное по карточкам на три дня.

Лео говорит:

— Расплодились. Сопят. Чешутся. Жуют. Переваривают. Возмутительно! Это мешает мне наслаждаться жизнью. Я люблю думать, что мир создан только для моего сопенья, переваривании, моих снов, моего насморка.

Мы поднимаемся по каменной лестнице, засеянной бандеролями, стянутыми с трубочек, конвертами на красной подкладке, вскрытыми, как рана; открытками, скомканными или разорванными.

Лео покупает десятикопеечную марку у девушки, свирепо разрисованной усами.

Над ее клеткой висит плакат:

Клейте марку в правом верхнем углу.
Облегчайте работу почтовых служащих.

Мой друг присаживается к длинному столу, оклеенному черной кле-

* Окончание. Начало в №№ 5—7.

енкой и окапанному фиолетовыми чернилами. Он пишет адрес круглыми буквами, располагающимися на бумаге как поссорившиеся супруги в кровати: «Минск. Октябрьская ул. 11, Ядзе Пширыжецкой». (Лео все еще питает надежду освободиться от угрызений совести.)

Написав, переворачивает письмо и, оглянувшись по сторонам, наклеивает марку посередине конверта.

Он говорит:

— Каждый свергает советскую власть и борется с социалистическим строительством как умеет.

У меня является прекрасное желание кинуться в будку телефона-автомата и вызвать «ГПУ».

Если бы Лео на моих глазах заряжал адскую машину для взрыва Кремля, у меня не явилось бы такого желания: «Фи! Донос».

Смертна ли принавычившаяся в нас «мещанская мораль»?

Однако и в случае «с маркой» я не сделал того, что следовало. Позор! Мои резиновые губы растянулись в улыбку, почти одобрительную.

Нечто схожее происходит со мной во время писания докладов, рапортов, резолюций. Когда перо бежит без размысливаний, я никогда не грешу орфографической ошибкой; но стоит запнуться в слове, потереть лоб над буквой, и в самом простом случае я промахнусь с непростительностью дошкольника.

6

В обширном кресле с сигарой в зубах и с напильничком для ногтей в чересчур длинных пальцах Лео иногда разговаривал с глазу на глаз высокими и щеголеватыми фразами:

— Эта несносная революция, как железнодорожный вор, вторично крадет у снисходительной улицы ее многообещающих, как реклама, женщин, обласканных рыжими куницами, золотистыми соболями, вкрадчивыми кротами, непорочными горностаями и каракулями, курчавыми, как семиты; ее породистых мужчин — в белоснежных кашне, пенящихся над бобровыми воротниками, подобно взбитым сливкам в стаканах кофе; ее автомобили — нетерпеливые, как биржа; рестораны, величественные и молитвенные, как храмы, и храмы, шикарные, как кабаки; рысаков, более статных, чем гвардейские офицеры; витрины, ласкательно сияющие чужим счастьем; фоксов и булей — в барсовых ошейниках; фонари — в нимбах, как святые.

И он снял с сигары кольцо нежно, как с пальца женщины, принадлежащей другому.

7

Я ищу глазами милиционера, чтобы справиться, как пройти в Спасоглинищевский переулок. Красная фуражка останавливает мой взгляд с властностью тревожного фонаря стрелочника, вкапывающего экспресс копытами в землю. Я подошел к милиционеру, когда его дребезжащий свисток ловил за подол старушку лунного цвета. Она совершила беззаконие, сойдя с задней площадки трамвая.

Милиционер получил с преступницы рубль и выдал ей голубенькую квитанцию. Старушка бережно спрятала ее в ридикюль 90-х годов. Она, должно быть, решила предъявить документ Господу Богу в день Страшного Суда.

Я спросил милиционерскую спину:

— Товарищ, как пройти в Спасоглинищевский?

Спина, сверкнув медными зрачками, важно повернулась.

Будь в эту минуту на моем месте моя жена, она бы непременно занозисто воскликнула: «Жак! Голубчик! Неужели, роковулечка, это вы? Поручик? Гусар смерти? С черепом? С косточками? Ой, дорогушечка, как к вам катастрофически не идет мильтонский колпак!»

Но я, по существу, не такой уж плохой человек. Я узнаю моих старых гимназических товарищей, когда это доставляет им удовольствие; интересуюсь «как здоровье?», когда щеки судачат румянцем; говорю «привет жене», если уверен, что нежная половина не перепорхнула только что к соседу по комнате на легких крылышках своей юбки, не в меру послушной ветру страстей; наконец, любопытствую «как делишки?», если вижу, что мой добрый знакомый увешан тюрючками, сверточками и кулечками. Мне еще ни разу не ответили трагическим анекдотом: «Дела? А вы знаете, Михаил Степанович, что такое г... ? Ну так это — компот по сравнению с моими делами».

Я бегу от милиционерского поста.

Серые стены бывш. Благородного собрания оклеены туманом, тенями, золотыми бумажками фонарей и афишами горлопастыми: «Шпреегарт. Шпреегарт. Шпреегарт».

На панели толпятся девушки с красными руками и юноши с такими глазами, что я недоумеваю, почему не пахнет палеными ресницами и горелым мясом.

Слова у моего друга красные, как руки девушек.

Я говорю себе: «Значит, он еще не выходит. Хорошо, если он меня заметит. Он тогда решит, что я был в Политехническом. Это его порадует. Ему кажется, что у меня от зависти болит живот. Я занимаю слишком большое место в его жизни. Если бы меня не существовало, он бы, наверное, был личным секретарем Саши Фрабера. Слава для него была бы безвкусна. Как щука по-жидовски без перца».

8

— Перестань, Лео, мучить Мишу.

И Саша Фрабер, как водится, сложил губы многозаботным бантиком.

— Хорошо. Хорошо. Изволь. Будем говорить о звездах, о сливочном масле, о политике, о литературе.

Несколько капель водки из его рюмки, высокой, как палец, выплеснулось на увитую розочками тарелку фарфоротрестовской фабрики «Имени Правды». Темная чайная колбаса лежала парными суживающимися колесиками (как нарезанный бинокль). В стакане, отмеченном прыщами юношеской целомудренности, стояла слипшаяся кетовая икра. В расковыренных ножницами консервных банках — сладкий перец, синие баклажаны и маринованный судак.

— Кстати, только на этих днях я перечитал «Братьев Карамазовых». Не находите ли вы, друзья мои, что великий русский писатель стал для нас, русских,— африканским негром? китайцем с Желтой Реки? или, в лучшем случае, жителем Мадрида? Я прочел роман Федор Михалыча с прелестной легкостью. Как «Тарзана». Как экзотическое сочинение завсегдатая джунглей. Увлекательная штучка! Нет, вы только подумайте — книга о русской душе. А? Как вам это понравится? Чудак! Русская душа! Ну и шутник. Уморил.

Лео насадил на вилку темное колесико чайной колбасы и замахал им над головой.

— Скажи, милый друг, Саша,— русская душа? Кес-кесе? С чем это кушают? Русская душа. А не думаете ли вы, товарищ Фрабер, что мы сбрили наши русские души вместе с нашими русскими бородами в восемнадцатом году? Не думаете ли вы, что у нас в груди так же гладко, как и на подбородке?

Мой друг пошатнулся.

— Вдохновенные бакенбарды Пушкина? Патриаршья борода Толстого? Мистические клочья Достоевского? Интеллигентский клинышек Чехова? Оперные эспаньолки символистов? Тю-тю! Ауфидерзейн!

Он пронзил указательным пальцем облачко табачного дыма.

— Архив. История. Пыль веков. Мы самые современные люди на земле. По сравнению с нами французы сумасшедшие: вообразили т р е у г о л ь н и к — короной. Великомученики: носят его, как сияние. Глупые быки — изнемогают под ярмом, более невесомым, чем пилюля гомеопата, и менее правдоподобным, в нашем представлении, чем раскаянье, долг, национальная гордость, чувство стыда или благодарности. Граждане столицы Мира еще не сбрили усов. Они только подрезали их слегка, после Мопассана. В три шеи французов? Да здравствует наш подбородок и верхняя губа — чистая, как у младенцев. Ниночка, чокайся со мной.

Бутылка, словно чахоточный, кровохаркнула в стакан моего друга.

— А товарищ Фрабер — материалист, социалист, марксист, диалектик и почти коммунист...

Саша, переполненный чувством собственного достоинства, нахлобучился:

— Плехановец!

— ...плехановец Фрабер сидит с кислой физиономией. Ему хочется, чтобы у него была душа. Как у старца Зосимы. Старца Зосимы. А? Не правда ли? Зосимы? Грушеньки? Бляди Настасьи Филипповны? Идиота Мышкина? В отставку товарища Фрабера. На пенсию. На социальное обеспеченье. В богадельню. В ящик!

Моя жена была в вечернем платье из шифона цвета железа с ржавчиной. Левой рукой он схватил ее за голое плечо, а правой за грудь, выскользнувшую из его пальцев, словно мокрый кусок розового семейного мыла.

— Ниночка. Нинок...

Он икнул.

— ...ты одна меня понимаешь. Одна! Чокайся. Пей.

— Лео, ты все врешь. У меня тоже есть душа. У меня очень широкая русская душа.

И жена зарыдала, уронив голову в тарелку с заливным поросенком.

А я, с околдуненными глазами, ринулся к моему другу целоваться искательно и одикаревши.

Философ Сковорода сказал бы: осел, позавидовав собачьим ласковостям, спятился копытами на брюхо хозяина.

9

Я полирую ботинки бархатной полоской. Наслюнавленными пальцами отдираю от штанов гагачьи пушинки. Протираю одеколоном голову, стриженную под машинку. Пудрюсь перед зеркалом, поджав рот. Я всегда поджимаю губы, когда смотрюсь в зеркало. А Лео презрительно узит глаза. А моя жена строит очаровательную улыбку. А Саша Фрабер старательно делает умное лицо. Каждый, разно, но непременно

щепетильно и с болезненной беспокойностью хочет себе понравиться. Мы все не очень долюбливаем правдивые зеркала. По всей вероятности, их недолюбливали и сидоняне (эти первые кокеты древности), и венецианцы XIII века, любовавшиеся собой в зеркала из дутого стекла на свинцовой фольге.

Я сегодня, одиночествуя, вкусно поел (жена убежала к Лидочке, благополучно родившей десятифунтового мальчугана), соснул после обеда, лежебокствовал, прочел газету и удачно набросал тезисы к докладу в ВСНХ.

У меня свежий вид, веселые глаза и настроение не без ласкательства к самому себе.

Стук в дверь. Я оборачиваюсь и делаюсь грустный и пыльный как ресторанная пальма.

— Даю голову на отсечение, ты, Мишка, идешь в балет, на «Лебединое озеро».

Почему это у моего друга сегодня такая глупая физиономия? Может быть, у него всегда такая? А я пятнадцать лет по оплошалости и рассеянию не замечал.

Я догадываюсь: мой друг сегодня постригся. А у мужчин, как правило, после цирюльника физиономии делаются глупее процентов на семьдесят пять Я бы хотел, чтобы мне довелось увидеть автора «Теории относительности», выходящим из парикмахерской.

Лео берет кресло и садится против меня. Его зрачки, как пиявки, впиваются в мой нос:

— Мишка, а ведь у тебя над правой ноздрей ч е р н е н ь к а я.

Все пропало. Кровь, точно молоко от капли уксуса, свертывается в моих жилах.

— Голову прозакладую, что ты ошибаешься. У меня на носу нет ч е р н е н ь к о й.

— Полно врать, есть.

— Клянусь тебе.

— Клянусь тебе,— угорек. И достаточно внушительный.

Его взгляд становится коршуновым. Сосудики на белках наливаются кровью.

— Надо выдавить.

— Может быть, завтра, Лео? Сегодня я собрался на «Лебединое озеро». У меня хорошее место, разорился на третий ряд, только Ниночке не рассказывай.

Он пересаживается ко мне на колени, берет меня за виски и приближает мой нос к своим коршуновым глазам в кровавых ниточках.

Он дрожит. Наслаждение, получаемое им от выдавливанья на моем носу угрей, может равняться только ужасу, который испытываю при этом я.

Я закрываю глаза. Пальцы мои становятся горлышками пивных бутылок. Лоб покрывается остекленевшими капельками. Я галлюцинирую когтями стервятника, пахнущими грушевой эссенцией. Они покрыты лаком — красным, как запекшаяся кровь.

— Не двигайся, Мишка. У тебя на носу целых четыре ч е р н е н ь к и х.

— Но это же мой нос. Мой собственный нос. Разве я уж не хозяин своего собственного носа?

Он упирается мне коленом в живот. Сладострастно дышит. Я плачу крупными слезами, как волоокая лошадь.

10

Все мое лицо покрыто вспухшими кругами с пунцовыми фонариками словно освещающими вход в опустошенные норки.

Черненьких оказалось значительно больше, чем мы предполагали. При желании их было бы можно пересчитать. Они лежат стройной шеренгочкой на фаянсовом блюдце, издевательски задрав крохотные головки.

11

Выдавливанье повторилось в субботу 16-го сентября перед пиршеством.

12

Трудно даже поверить, что из-за этих самых крохотных червячков с издевательскими головками и белыми хвостиками я на шнуре от портьеры повесил моего друга.

Публикация И. В. САВИНА

В первом номере «Горизонта» было помещено объявление о том, что «Горизонт» совместно с советско-английским предприятием «Слово» готовит к изданию мемуарную книгу Галины Вишневской «Галина. История жизни».

С тех пор редакция не знает покоя от звонков почитателей этой выдающейся певицы, желающих приобрести книгу. В июне книга вышла в свет. И число просьб буквально утроилось.

Мы вынуждены повторить то, что было особо подчеркнуто в январском анонсе:

распространяться книга будет через книготорговую сеть.

Какими-либо запасами ее редакция не располагает.

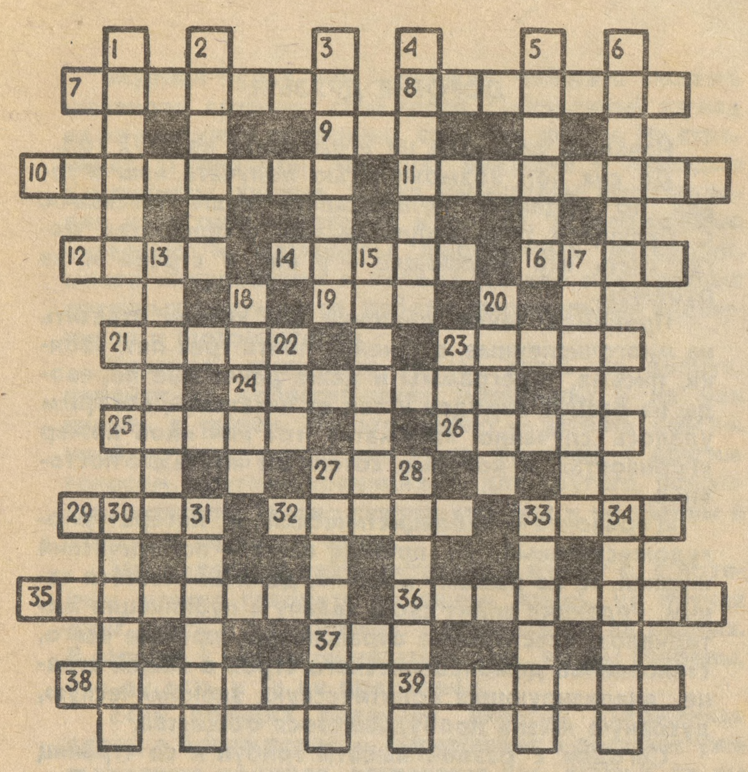
Однако сейчас «Горизонт» планирует переиздание этой книги массовым тиражом И прорабатывает возможность рассылки ее читателям журнала. Но — терпение, это дело не сиюминутное; о сборе заказов мы объявим в одном из будущих номеров.

Одновременно редакция приглашает к сотрудничеству в тиражировании книги Г. Вишневской и целого ряда других, не менее интересных, имеющихся в нашем портфеле,— организации, располагающие бумагой и полиграфической базой

Редакция, кроме того, ищет выход на так называемые альтернативные каналы распространения журнала и выпускаемых им книг.

С предложениями просим обращаться в коммерческий отдел журнала по телефонам: *923-67-65* или *928-97-42*.

КРОССВОРД

По горизонтали: **7.** Повесть И. Грековой. **8.** Пушной зверек. **9.** Приток Рейна. **10.** Жанр русского словесно-музыкального творчества. **11.** Электроннолучевая трубка для записи радиолокационных сигналов. **12.** Постоянный состав сотрудников учреждения. **14.** Созвездие Южного полушария. **16.** Река на Дальнем Востоке. **19.** Материальный носитель наследственности. **21.** Азербайджанский поэт и государственный деятель XVIII в. **23.** Законопроект, вносимый на рассмотрение законодательных органов в англоязычных странах. **24.** Ансамбль. **25.** Небольшой сторожевой отряд. **26.** Русская народная игра с мячом и битой. **27.** Незначительная шероховатость гладкой поверхности, мешающая ее блеску, прозрачности. **29.** Морская рыба. **32.** Орган верховной власти в Древнем Риме. **33.** Русский просветитель, поэт, последователь А. Радищева. **35.** Поезд, автобус, идущий с повышенной скоростью и с остановками только на крупных станциях. **36.** Система операций, применяемых по строго определенным правилам, которая после последовательного их выполнения приводит к решению поставленной задачи. **37.** Заряженная частица. **38.** Максимальная высота полета летательного аппарата в заданных условиях. **39.** Здание для размещения личного состава воинской части.

По вертикали: **1.** Устойчивый ветер в тропических широтах над океаном. **2.** Бальный танец. **3.** Вулканический массив в Крыму. **4.** Вал с пониженной жесткостью на кручение. **5.** Род загадки. **6.** Древнее государство на территории Армянского нагорья. **13.** Морское млекопитающее. **15.** Экваториальное созвездие. **17.** Советский композитор, автор оперетты «Цирк зажигает огни». **18.** Легкая хлопчатобумажная ткань. **20.** Металл. **22.** Русский поэт XIX в. **23.** Логарифмическая единица отношения двух величин. **27.** Государство в Северной Америке. **28.** Картина М. Грекова. **30.** Устройство для частичного осушения подводной части судна с целью осмотра, ремонта. **31.** Сосуд, предохраняющий содержимое от остывания или нагревания. **33.** Узкий проток в косе, отмели, образовавшийся при прорыве ее излучины в половодье. **34.** Устойчивое словосочетание, смысл которого не вытекает из составляющих его компонентов.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Началась подписка на «Горизонт» на 1992 год.

До сих пор возможностью получать наш журнал по подписке пользовались лишь москвичи. С будущего года подписчиками «Горизонта» могут стать все желающие — у нас в стране и за рубежом.

Принимая такое решение, мы хотели ответить на многочисленные, в течение почти трех лет, звонки, письма, телеграммы и даже денежные переводы из разных городов и сел от читателей, которым удалось случайно «поймать» тот или иной номер «Горизонта», и которые хотели бы читать его постоянно.

«Горизонт» — публицистический и литературно-художественный, но прежде всего — политический журнал. И, по нашему мнению, должен остаться таким. Редакция видит свою задачу в публикации материалов, всесторонне отражающих, прежде всего, становление демократического строя в нашей стране, анализирующих политическую, экономическую, духовную жизнь пробудившегося общества.

Сегодня с разной высоты трибун и со страниц некоторых изданий намеренно громко и настойчиво утверждается, что народ-де устал от политики, ему хочется только есть и развлекаться. Понятно, кем и зачем это делается. Но если мы теперь все отойдем от политики, поверим этим защитникам «уставших» и переключимся на комиксы и развлекательное чтиво, мы очень быстро вновь опустимся на четвереньки, на которых стояли семь десятилетий, и тогда уже никакая сила не разогнет нас в человеческий рост. Нам кажется, что народы нашей страны еще долго будут обречены на занятье политикой. Это тяжкий труд, он не по плечу «гомо советикусу», но его выдержит «гомо сапиенс».

Журнал будет, как и прежде, избегать «жевать жеваное», сохранит свой голос, собственный взгляд на те или иные проблемы, события, факты. На страницах «Горизонта» выступят ведущие и молодые публицисты, ученые, будут напечатаны произведения известных писателей и поэтов, всевозможные интервью и материалы любопытных дискуссий, много «неудобных» и потому доселе неизвестных архивных документов, работы оригинальных художников и фотомастеров.

Конечно, спокойнее сейчас «лечь на волну», перейти на «облегченные» материалы и на них вплыть в рынок. Но это значит — затеять совсем иной журнал, лучше или хуже, но иной, с другим голосом, другими традициями, для другого, попроще, читателя. Только скучно это. Мы и не готовы к этому. И не хотим этого.

Мы надеемся найти читателя н а ш е г о, с которым можно говорить на одном языке, не поучая друг друга и не сюсюкая, а дружески и на равных. В Москве у нас такой читатель есть, но мы уверены, что он есть и за ее пределами.

Если позиция редакции, вкратце изложенная здесь, а более полно — выраженная в десятках уже вышедших номеров, устраивает вас, друзья, то вы можете оформить подписку на журнал в любом отделении связи, где принимается подписка на центральные издания.

Индекс «Горизонта» прежний — 73755. Цена годовой подписки — 10 рублей 80 копеек (90 копеек за номер).

Мы понимаем, что, отдавая предпочтение «Горизонту», вы будете вынуждены отказаться от других интересных изданий. Постараемся не обмануть ваши ожидания и доверие.

С уважением

Редакция